

Дойл А. К.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:

ЗА ГОРОДОМ

ВОКРУГ КРАСНОЙ
ЛАМПЫ

Артур Конан Дойл. Собрание сочинений

Артур Конан Дойл

**За городом. Вокруг
красной лампы (сборник)**

«Алгоритм»

1891, 1894

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Дойл А.

За городом. Вокруг красной лампы (сборник) / А. Дойл —
«Алгоритм», 1891, 1894 — (Артур Конан Дойл. Собрание
сочинений)

ISBN 978-5-486-02950-9

Артур Конан Дойл (1859–1930) – всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе. В данный том вошли роман «За городом» и цикл рассказов «Вокруг красной лампы».

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02950-9

© Дойл А., 1891, 1894
© Алгоритм, 1891, 1894

Содержание

За городом	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	20
Глава V	24
Глава VI	30
Глава VII	35
Глава VIII	38
Глава IX	43
Глава X	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Артур Конан Дойл
За городом. Вокруг красной лампы

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2010

За городом

Глава I Новые жильцы

– Сударыни, – послышался голос служанки за притворенной дверью, – в третий номер переезжают жильцы.

Две маленькие старушки, сидевшие по обе стороны стола, вскочили с места с восклицаниями, выражавшими любопытство, и бросились к окну гостиной.

– Поосторожнее, милая Моника, – сказала одна из них, прячась за кружевную драпировку, – как бы они нас не увидели.

– Нет, нет, Берта! Мы должны сделать это так, чтобы они не могли сказать, что у них любопытные соседки. Но если мы будем так стоять, то я думаю, что они нас не увидят.

Открытое окно гостиной выходило на покатую лужайку с невысокими розовыми кустами и цветником в виде звезды, на котором росла гвоздика, – на лужайку эту было приятно посмотреть. Она была обнесена низкой деревянной загородкой, отделявшей ее от широкой дороги, по которой проходил трамвай. По другую сторону этой дороги стояли отдельно одна от другой и на значительном расстоянии три большие дачи с остроконечными крышами и маленькими деревянными балконами; каждая из них стояла на своем собственном четырехугольном участке, покрытом травой и цветами. Все эти три дачи были недавно выстроены, но в первом и во втором номере повешенные занавески на окнах показывали, что в них живут, а на даче № 3, где дверь была отворена настежь, сад еще не приведен в порядок и куда, по-видимому, только что сейчас привезли мебель, делались приготовления к приезду новых жильцов. К воротам подъехал кеб, и на него уставились с любопытством старушки, которые выглядывали украдкой из-за драпировки.

Извозчик сошел с козел, и седоки начали подавать ему из экипажа разные вещи, которые он должен был отнести в дом. Он стоял с красным лицом, прищулив глаза и растопырив руки, между тем как чья-то мужская рука, беспрестанно высовывающаяся из кеба, продолжала навьючивать его разными вещами, вид которых привел старушек в большое изумление.

– Господи боже мой! – воскликнула Моника, самая маленькая из них, самая худая и самая сморщенная. – Что это такое, Берта? По-моему, это похоже на четыре пудинга.

– Это то, что употребляется тогда, когда молодые люди боксируют, – сказала Берта с таким видом, который показывал, что она считает себя опытнее сестры в делах этого рода и больше знает свет, чем она.

– А это?

К тому множеству вещей, которые были навьючены на извозчика, прибавилось еще каких-то два предмета из желтого полированного дерева, имевших форму бутылки.

– О, я не знаю, что это такое, – созналась Берта.

Живя мирно и редко видя мужчин, она не имела ни малейшего понятия об индейских палицах. Но за этими странными предметами последовали другие, которые были им знакомы – две гири для гимнастики, мешок для крикета ярко-красного цвета, полный комплект палок для игры в гольф и отбойник для тенниса. Наконец, когда извозчик со множеством вещей, торчащих во все стороны, пошел, пошатываясь, по садовой дорожке, из кеба вышел, не спеша, какой-то молодой человек огромного роста и крепкого сложения; он держал под мышкой щенка-

бульдога, а в руке номер спортивной газеты, напечатанный на розовой бумаге. Засунув газету в карман своего светло-желтого верхнего пальто, он протянул руку как будто бы для того, чтобы помочь кому-то выйти из экипажа. Но, к удивлению двух старушек, вместо этого кто-то сильно ударил его по ладони, и из кеба выпрыгнула без посторонней помощи какая-то высокая дама. Сделав повелительный жест, она показала этим молодому человеку, чтобы он шел к двери, а затем, опершись одною рукою на бедро, она остановилась в ленивой позе у ворот и стояла, смотря по сторонам, ударяя носком башмака в стену и дожидаясь возвращения извозчика.

Когда же она медленно повернулась, и лицо ее осветило солнце, то обе наблюдавшие из окна старушки с удивлением увидели, что эта деятельная и энергичная дама была уже далеко не первой молодости, так что после того, как она достигла совершеннолетия – этой границы в человеческой жизни, она, наверно, прожила и еще столько же лет. На ее точно изваянном лице с резкими чертами, красными губами, выразившим твердый характер ртом и сильно выделяющимися скулами видны были даже и на таком расстоянии те следы, которые оставило на них время. Но при всем том она была очень красива. Ее черты были так неподвижны в спокойном состоянии, что лицо это было похоже на греческий бюст, а над ее большими черными глазами поднимались дугой такие черные, густые и изящно обрисованные брови, что всякий, забывая о резких чертах ее лица, невольно любовался этими красивыми и густыми бровями. У нее была также прямая, как стрела, фигура, может быть, немного полная, но с чудесными контурами, которые отчасти скрывал, а отчасти еще больше обрисовывал ее странный костюм. Ее волосы, черные, но с сильной проседью, были гладко зачесаны назад с ее высокого лба и подобраны под маленькую круглую кастановую шляпу, похожую на мужскую, причем на ее пол указывало только одно заткнутое за ленту перо. Ее фигуру плотно облегал двубортная жакетка из какой-то похожей на фриз материи темного цвета, а ее прямая синяя юбка, ничем не отделанная и не подобранная, была так коротка, что из-под нее была ясно видна нижняя часть точно выточенных ног и затем пара широких, плоских башмаков, без каблуков и с четырехугольными носками. Вот какова была дама, которая стояла без всякого дела у ворот дачи № 3 и на которую с таким любопытством глядели жившие напротив соседки.

Но если уже и теперь ее поведение и вид несколько шокировали их, оскорбив их чувство приличия, которое они понимали в узком строгом смысле, то что они должны были подумать о следующем маленьком эпизоде в этой живой картине? Извозчик, сделав свое дело, вернулся назад весь красный и запыхавшийся и протянул руку, чтобы получить плату. Дама дала ему какую-то монету; после этого он что-то бормотал и жестикулировал, и вдруг она схватила его обеими руками за красный галстук, который был надет у него на шее, и потрясла его так, как такса трясет крысу. Столкнув его с тротуара, она прижала его к колесу и три раза стукнула его головой о бок его собственного экипажа.

– Не могу ли я помочь вам в чем-нибудь, тетя? – спросил высокий молодой человек, показавшийся у входной двери.

– Я совсем не нуждаюсь в твоей помощи, – сказала, задыхаясь рассерженная дама. – Вот тебе, негодяй, – это отучит тебя быть дерзким с дамой!

Извозчик смотрел беспомощно вокруг себя каким-то растерянным, вопросительным взглядом, как человек, с которым случилось что-то неслыханное и необыкновенное. Затем он потер себе голову, медленно влез на козлы и поехал с поднятою кверху рукою, как будто бы жалуясь на свою обиду. Дама оправилась на себе платье, подобрала волосы под свою маленькую кастановую шляпу и прошла большими шагами через входную дверь, которая затворилась за ней. Когда она, махнув своей коротенькой юбкой, исчезла в темном пространстве, то обе зрительницы – мисс Берта и мисс Моника Вильямс – сели и глядели одна на другую в немом удивлении. Целых пятьдесят лет они выглядывали из этого маленького окошечка, смотря на то место, которое находилось за хорошеньким садиком, но еще никогда они не были в таком смущении, как теперь, после того, что пришлось им увидеть.

- Жаль, – сказала Моника, – что мы не оставили за собою поля.
- Да, правда, очень жаль, – отвечала ее сестра.

Глава II

Первый шаг

Тот коттедж, из окна которого смотрели обе мисс Вильямс, стоял уже с давнего времени в красивой пригородной местности, находившейся между Норвудом, Энерли и Форест-Гиллем. Много лет тому назад, когда эта местность еще не входила в черту города и столица была отсюда далеко, старый мистер Вильямс жил в «Терновнике», как называлась эта маленькая усадьба, и ему принадлежали все окружающие ее поля. В начале прошлого столетия здесь, в деревне, почти не было домов, кроме шести или семи таких коттеджей, разбросанных по склону возвышенности. Когда ветер дул с севера, то вдали был слышен глухой шум большого города, – шум прилива жизни, как на горизонте можно было видеть темную полосу дыма – ту пену черного цвета, которая поднималась кверху при этом приливе. Но, по мере того как проходили года, город стал строить то тут, то там каменные дома; дома эти то уклонялись в стороны, то строились дальше по прямой линии, то соединялись в целые группы, так что, наконец, маленькие коттеджи были совсем окружены этими красными кирпичными домами и исчезли, для того чтобы уступить место дачам позднейшего времени. Старый мистер Вильямс продавал из своего имения поле за полем желающим нажиться строителям, которые получали большой доход с этих удобных пригородных домов; они были выстроены полукругом, и к ним вели три дороги. Отец умер раньше, чем каменные дома окружили со всех сторон его коттедж, но его дочерям, к которым перешло это владение, пришлось увидеть, что в этой местности исчезли последние следы деревни. Они долгое время держались за единственное оставшееся в их владении поле, которое находилось перед их окнами, но, наконец, после долгих уговоров, они, не без сожаления, согласились на то, чтобы и это поле разделило участь всех остальных полей. В их мирном уголке проложили широкую дорогу, место это получило новое название – его называли «Эрмитажем», и на другой стороне, напротив их окон, начали строить три квадратные дачи очень внушительного вида. Обе робкие маленькие старые девы смотрели с грустью на сердце, как стены поднимались все выше и выше, и думали о том, каких соседей пошлет им судьба в тот маленький уголок, которым они владели до сих пор.

Наконец, все три дачи были совсем отстроены. К ним приделали деревянные балконы, покрыли их высокими остроконечными крышами, так что, говоря словами газетной публикации, здесь отдавались внаймы три очень удобные, выстроенные в виде швейцарских chalets дачи, о шестнадцати комнатах каждая, без подвального этажа, с электрическими звонками, горячей и холодной водой и со всеми новейшими приспособлениями, включая сюда же и общую лужайку для игры в теннис; они отдавались за 100 фунтов стерлингов в год или же продавались за 1500 фунтов стерлингов. Через несколько недель после публикации с дачи № 1 была снята записка, и сделалось известно, что в нее скоро переедут адмирал Гей-Денвер, кавалер креста Виктории и ордена Бани, вместе с миссис Гей-Денвер и их единственным сыном. Это известие совершенно успокоило сестер Вильямс. До сих пор они были твердо убеждены в том, что их спокойствие будет нарушать какая-нибудь отчаянная компания, какая-нибудь взбалмошная семья, все члены которой будут петь и кричать. Но, по крайней мере, эти жильцы были вполне безупречны. Когда сестры справились в книге «Современные люди», то убедились, что адмирал Гей-Денвер – человек заслуженный, что он начал свою службу в Бомарзунде, а окончил ее в Александрии, и в это время он так отличился, как дай бог всякому человеку его лет. Начиная со взятия фортов Таку и службе на «Шапноне» и кончая набегом на Занзибар, не было ни одного морского сражения, о котором не упоминалось бы в его формулярном списке, а крест Виктории и медаль Альберта за спасение жизни служили доказательством того, что в мирное время он был таким же отважным человеком, как и на войне. Очевидно, это такой сосед, какого поискать, и тем более что комиссионер сообщил им по секрету, что его

сын мистер Гарольд Денвер – самый спокойный молодой человек, так как он с утра до ночи был занят на бирже.

Едва только успела переехать на новую квартиру семья Денвер, как и с дачи № 2 была также снята записка, и на этот раз дамы тоже увидели, что могут быть вполне довольны своими соседями. Доктор Бальтазар Уокер – это известное имя в медицинском мире. Разве занимаемые им должности, названия трех обществ, членом которых он состоял, и список его сочинений, начиная с небольшой статьи «О подагрическом диатезе», напечатанной в 1859 году, и кончая обширным трактатом «О болезнях вазомоторной системы», не занимали целую половину столбца в «Медицинском указателе»? Надо было ожидать, что такая удачная карьера доктора кончилась бы тем, что он сделался бы президентом какого-нибудь ученого общества и получил звание баронета, если бы один из его пациентов не завещал ему в знак благодарности большую сумму денег, что обеспечило его на всю жизнь и дало ему возможность отдать все свое время научным исследованиям, которые привлекали его гораздо более, чем практика и денежный расчет. Вот почему он оставил свой дом в Уэймауз-стрит, переселился сам и перевез свои инструменты и своих двух прелестных дочерей (он овдовел несколько лет тому назад) в более спокойное место – Норвуд.

Таким образом, оставалась незанятой только одна дача, и нет ничего удивительного в том, что обе старые девы наблюдали с живым интересом, уступившим место страху, все эти любопытные инциденты, которыми сопровождалось прибытие новых жильцов. Они узнали также от комиссионера, что семья состояла только из двух членов – миссис Уэстмакот, вдовы, и ее племянника Чарльза Уэстмакота. Это было так просто, и они, по-видимому, принадлежали к хорошему роду. Кто бы мог предвидеть, что произойдут такие ужасные вещи, которые превращали буйство и раздор среди жителей Эрмитажа? И обе старые девы опять пожалели от всей души, что они продали свое поле.

– Но все-таки, Моника, – заметила Берта, когда они сидели за чаем после полудня, – хотя, может быть, это и странные люди, мы должны быть с ними так же учтивы, как и со всеми остальными.

– Разумеется, – подтвердила сестра.

– Ведь мы сделали визит миссис Гей-Денвер и обеим мисс Уокер: значит, мы должны сделать визит и этой миссис Уэстмакот.

– Конечно, моя милая. Так как они живут на нашей земле, то они как будто наши гости, и мы должны поздравить их с приездом.

– Так мы пойдем к ним завтра, – сказала Берта решительным тоном.

– Да, милая, мы пойдем. Но, ох, как мне хочется поскорее отделаться от этого!

На следующий день, в четыре часа пополудни, обе старые девы, как радушные хозяйки, отправились к новым жильцам. В своих торчащих, как лубок, и шумящих черных шелковых платьях, в вышитых стеклярусом кофточках и с несколькими рядами седых локонов цилиндрической формы, спускающимися вниз по обе стороны лица из-под их черных шляпок, они как будто сошли с картинки старых мод и очутились совсем не в том десятилетии, в каком им следовало жить.

С любопытством, смешанным со страхом, они постучали во входную дверь № 3, и ее сейчас же отворил рыжий мальчик-слуга. Он сказал сестрам, что миссис Уэстмакот дома, и ввел их в приемную, которая была меблирована так, как гостиная, и где, несмотря на чудный весенний день, в камине горел огонь. Мальчик взял у них карточки, и когда они после этого сели на диван, он страшно напугал их тем, что с пронзительным криком стремглав бросился за драпировку и на что-то наткнулся ногою. Тот щенок-бульдог, которого они видели накануне, выскочил оттуда, где сидел, и, огрызаясь, быстро выбежал из другой комнаты.

– Он хочет броситься на Элизу, – сообщил им по секрету мальчик. – Хозяин говорит, что она задаст ему перцу. – Он приятно улыбался, глядя на эти две маленькие неподвижные фигуры в черном, и затем отправился разыскивать свою госпожу.

– Что, что такое он сказал? – проговорила, задыхаясь, Берта.

– Что-то такое о... О боже! Ох, Берта! О, Господи помилуй! О, помогите, помогите, помогите, помогите, помогите!

Обе сестры вскочили на диван и стояли там с расширившимися от страха зрачками и подобранными юбками, между тем как их громкие крики раздавались по всему дому. Из высокой плетеной корзины, стоявшей у огня, показалась какая-то плоская ромбоидальной формы голова со злыми зелеными глазами; она поднималась все выше, тихо раскачиваясь из стороны в сторону, и наконец, на фут или больше поднялось и блестящее, покрытое чешуей туловище. Медленно раскачиваясь, поднималась кверху голова гадины, и всякий раз, как она отклонялась в сторону, слышались с дивана новые крики.

– Что такое тут случилось? – закричал кто-то: в дверях стояла хозяйка дома. Она прежде всего обратила внимание на то, что две незнакомые дамы стоят на ее красном плюшевом диване и кричат изо всех сил. Но, взглянув на камин, она поняла, чего они испугались, и расхохоталась от души.

– Чарли, – громко крикнула она, – Элиза опять начала буяннить!

– Я ее усмирю, – отвечал чей-то мужской голос, и в комнату вошел быстрыми шагами молодой человек. Он держал в руках коричневую попону, которую он набросил на корзину и затем крепко завязал ее бечевкой для того, чтобы змея не могла оттуда выползти, между тем как его тетка подбежала к дивану, чтобы успокоить посетительниц.

– Ведь это только горная змея, – пояснила она.

«О, Берта!», «О, Моника!» – говорили, с трудом переводя дух, бедные, до смерти напуганные дамы.

– Она сидит на яйцах. Вот почему мы и топим камин. Для Элизы лучше, когда ей тепло. Она – премилое, кроткое создание, но, вероятно, она подумала, что вы замышляете отнять у нее яйца. Я полагаю, что вы к ним не притронулись.

– О, уйдем отсюда, Берта! – воскликнула Моника, протянув вперед свою руку в черной перчатке и выражая этим отвращение.

– Нет, вы не уйдете отсюда, но перейдете в следующую комнату, – сказала миссис Уэстмакот с таким видом, что ее слово – закон. – Пожалуйста вот сюда! Здесь не так жарко. – Она пошла вперед и привела их в прекрасно обставленную библиотеку, где у трех стен стояли большие шкафы с книгами, а к четвертой стене был приставлен желтый стол, покрытый различными бумагами и научными инструментами. – Садитесь: вы вот здесь, а вы – тут. Вот так. Ну, теперь скажите же мне, которая из вас мисс Вильямс и которая мисс Берта Вильямс?

– Я – мисс Вильямс, – сказала Моника, которая все еще дрожала от страха и боязливо оглядывалась по сторонам в ожидании увидеть еще что-нибудь ужасное.

– Кажется, вы живете через дорогу в этом хорошеньком маленьком коттедже? Это очень любезно с вашей стороны, что вы так скоро пришли к нам после того, как мы переехали. Я не думаю, чтобы мы с вами ладили, но все-таки с вашей стороны было доброе намерение. – Она положила ногу на ногу и прислонилась спиной к мраморному камину.

– Мы думали, что можем в чем-нибудь помочь вам, – робко сказала Берта. – Если мы можем сделать что-нибудь, чтобы вы чувствовали себя как дома...

– О, благодарю вас! Я так много путешествовала в своей жизни, что чувствую себя везде как дома. Я только недавно вернулась с Маркизских островов, где прожила несколько месяцев, – это было очень приятное путешествие. Это оттуда я и привезла Элизу. В некоторых отношениях Маркизские острова стоят впереди всех стран в мире.

– Господи боже мой! – воскликнула мисс Вильямс. – В каком же, например, отношении?

– В отношении пола. Там жители самостоятельно разрешили великую задачу, а их обособленное географическое положение дало им возможность прийти к такому заключению самим, без посторонней помощи. Там положение женщины таково, каким оно должно быть по-настоящему и везде: женщина имеет совершенно одинаковые права с мужчиной. Войди сюда, Чарльз, и садись. Что Элиза, смирна?

– Смирна, тетя.

– Вот это наши соседки – мисс Вильямс. Может быть, они пожелают выпить портера. Ты приказал бы подать две бутылки, Чарльз.

– Нет, нет, благодарим вас! Мы не пьем портера! – с жаром воскликнули обе гостьи.

– Не пьете? Я жалею, что у меня нет чаю, а потому я и не могу угостить им вас. Я думаю, что подчиненное положение женщины зависит, главным образом, от того, что она предоставляет мужчине подкрепляющие силы напитки и закаляющие тело упражнения.

Она подняла с пола стоявшие у камина пятнадцатифунтовые гимнастические гири и начала без всякого усилия размахивать ими над головой.

– Вы видите, что можно сделать, когда пьешь портер, – сказала она.

– Но разве вы не думаете, – робко заметила старшая мисс Вильямс, – разве вы не думаете, миссис Уэстмакот, что у женщины есть свое назначение?

Хозяйка дома с грохотом бросила на пол свои гимнастические гири.

– Старая песня! – воскликнула она. – Старая чепуха! В чем состоит назначение женщины, о котором вы говорите? Сюда относится все, что смиряет ее, унижает, убивает ее душу, что заслуживает презрения и так плохо оплачивается, что никто, кроме женщины, не возьмется за это. Все это и есть назначение женщины! А кто так ограничил ее права? Кто втиснул ее в такую тесную сферу действия? Провидение? Природа? Нет, это ее самый главный враг. Это – мужчина.

– О, что это вы говорите, тетя! – сказал, растягивая слова, ее племянник.

– Да, это мужчина, Чарльз. Это – ты и твои собратья. Я говорю, что женщина – это колоссальный памятник, воздвигнутый для увековечения эгоизма мужчины. Что такое все это хваленое рыцарство – все эти прекрасные слова и неопределенные фразы? Куда девается все это, когда мы подвергаем его испытанию? На словах мужчина готов сделать решительно все, чтобы помочь женщине. Конечно, так. Но какую силу имеет все это, когда дело коснется его кармана? Где его рыцарство? Разве доктора помогут ей занять какую-нибудь должность? Разве адвокаты помогут ей получить право защищать в суде? Разве духовенство потерпит ее в церкви? О, когда так, то замкните ваши ряды и оставьте бедной женщине ее назначение! Ее назначение! Это значит, что она должна быть благодарна за медяшки и не мешать мужчинам, которые загребают золото, толкаясь, точно свиньи у корыта, – так понимают мужчины назначение женщины. Да, ты можешь сидеть тут и иронически улыбаться, Чарльз, смотря на свою жертву, но ты знаешь, что все это – правда, от первого до последнего слова.

Как ни испугались гостьи этого неожиданного потока слов, но они не могли не улыбнуться при виде такой властительной и говорившей с такою запальчивостью жертвы и большого ростом оправдывающегося представителя мужского пола, который сидел и с кротостью выслушивал перечисление всех грехов мужчин. Хозяйка зажгла спичку, вынула из ящика, стоявшего на камине, папироску и начала втягивать в себя дым.

– Я нахожу, что это очень успокаивает, когда у меня расходятся нервы, – сказала она в пояснение. – А вы не курите? Ах, значит, вы не имеете понятия об одном из самых невинных наслаждений – одном из немногих, после которого не бывает реакции.

Мисс Вильямс поправила перед своей черной шелковой юбки.

– Это такое удовольствие, – сказала она, как бы желая оправдаться, – которым мы наслаждаться не можем, потому что мы с Бертой женщины несовременные.

– Конечно, не можете. Наверно, вы почувствуете себя очень дурно, если попробуете закурить папироску. Да, кстати, я надеюсь, что вы когда-нибудь придете на собрание нашего общества. Я распоряжусь, чтобы вам послали билеты.

– Вашего общества?

– Оно еще не сформировалось, но я не теряю времени и набираю комитет. Везде, где бы я ни жила, я всегда учреждаю отделение общества эмансипации. Вот, например, миссис Андерсон из Оперли, она уже одна из эмансипированных женщин, так что у меня положено начало. Только в том случае, если мы станем сопротивляться и дело это будет организовано, мисс Вильямс, мы и можем надеяться отстоять наше поле от эгоистов-мужчин... Так вы хотите уходить?

– Да, нам нужно сделать еще один или два визита, – сказала старшая сестра. – Я уверена, что вы нас извините. Надеюсь, что вам понравится в Норвуде.

– Всякое место, где бы я ни жила, это – для меня только поле битвы, – отвечала она, так крепко пожав руку сначала одной, а потом другой сестре, что у тех захрустели их маленькие тоненькие пальчики. – Днем работа и полезные для здоровья упражнения, а по вечерам чтение Броунинга и разговоры о высоких предметах. Так ведь, Чарльз? Прощайте!

Она пошла проводить их до двери, и когда они оглянулись назад, то увидели, что она все еще стоит в дверях с желтым щенком-бульдогом под мышкой и изо рта у нее вьется синяя струйка дыма от папиросы.

– О, какая это ужасная, ужасная женщина! – прошептала сестра Берта, когда они поспешными шагами шли по дороге. – Слава богу, что мы от нее отделались.

– Но ведь она отдаст нам визит, – отвечала другая. – Я думаю, нам лучше приказать Мэри, когда она придет, сказать ей, что нас нет дома.

Глава III

Жители Эрмитажа

Какое сильное влияние имеют иногда на нашу судьбу самые ничтожные обстоятельства! Если бы неизвестный нам строитель, который выстроил эти дачи и которому они принадлежали, ограничился тем, что выстроил бы их, каждую, на своем отдельном участке, то весьма вероятно, что эти небольшие семьи едва ли знали бы о существовании одна другой и не имели бы возможности воздействовать одна на другую, о чем будет рассказано ниже. Но их связывало, так сказать, одно общее звено. Для того чтобы выдвинуться между всеми другими норвудскими строителями, хозяин этих дач придумал устроить общую лужайку для игры в теннис, находившуюся позади домов, – зеленую лужайку с подстриженной травой, туго натянутой сеткой и раскинувшимися на далекое пространство выкрашенными в белую краску перегородками. Сюда, для того чтобы упражняться в этой игре, которая требует больших усилий и так же необходима для англичан, как воздух или пища, приходил молодой Гей-Денвер в свободное от работы в Сити время; сюда приходил также и доктор Уокер со своими двумя прелестными дочерьми, Идой и Кларой, и сюда являлись также и большие любители игр на воздухе – отличающаяся сильно развитыми мускулами вдова в коротенькой юбке и ее племянник богатырского роста. Лето еще не прошло, а уже все в этом мирном уголке были знакомы между собою так близко, как не пришлось бы им познакомиться в течение нескольких лет, если бы между ними были перемонные отношения.

Эта тесная дружба и товарищество имели большое значение, в особенности для адмирала и доктора. У каждого из них был пробел в жизни, как бывает со всяким человеком, который чувствует себя в силе, но сходит с арены, и каждый из них своим обществом дополнял этот пробел в жизни своего соседа. По правде сказать, между ними было мало общего, но в иных случаях это скорее благоприятствует, чем мешает дружбе. Каждый из них до страсти любил свою профессию и продолжал живо интересоваться всем относящимся к ней. Доктор все еще читал от первой до последней страницы получаемые им «Ланцет» и «Медицинский журнал», посещал все собрания врачей, приходил попеременно то в восторг, то в уныние от выбора старшин, и у него был свой отдельный кабинет, где на столе, уставленном целыми рядами маленьких круглых флаконов с глицерином, канадским бальзамом и кислотами, – он все еще отрезал микротомом частицы от того или другого предмета и смотрел в свой старинный медный длинный микроскоп на тайны природы. Мистера Уокера, с его типичным лицом, без усов и бороды, плотно сжатыми губами, выдающимися челюстями, спокойным взглядом и небольшими седыми бакенбардами, всякий принял бы за человека той профессии, к которой он и принадлежал, а именно – за известного английского доктора, которого приглашали на консультации и которому было пятьдесят или пятьдесят с небольшим лет.

Было время, когда доктор относился совершенно хладнокровно к важным вещам, но теперь, когда он жил в уединении, он волновался из-за всяких пустяков. Тот самый человек, у которого ни разу не дрогнул палец, когда он делал операции и когда дело шло не только о жизни его пациента, но об его собственной репутации и будущности, – бывал страшно расстроен, если случалось, что его книгу перекладывали на другое место или беззаботная горничная забывала исполнить его приказание. Он и сам замечал это и знал, отчего это происходит. «Когда была жива Мэри, – говорил он, – она оберегала меня от этих маленьких неприятностей. Я мог переносить большие неприятности. У меня прекрасные дочери, каких дай Бог всякому, но кто может знать человека лучше его жены». Затем он опять видел перед собою прядь каштановых волос и лежащую на одеяле тонкую белую руку, и тогда он думал, как думаем и все мы, что если мы не будем жить после смерти и не узнаем друг друга, то это значит, что все наши лучшие надежды и тайные внушения нашей природы не более, как обман и иллюзия. Доктор

был вознагражден за эту потерю. Судьба уравнивала для него чашки своих больших весов, потому что можно ли было найти во всем обширном городе Лондоне таких двух прелестных, добрых, умных и симпатичных девушек, какими были Клара и Ида Уокер? Они были такие талантливые, такие понятливые, так интересовались всем тем, что интересовало его самого, что если только можно вознаградить чем-нибудь человека за потерю доброй жены, то Бальтазар Уокер получил это вознаграждение.

Клара была высока ростом, тонка и стройна, с грациозной фигурой, в которой было много женственного. Она держала себя немножко гордо и сдержанно, в ней было что-то «царственное», как говорили ее друзья, между тем как люди, относящиеся к ней недружелюбно, называли ее замкнутой и холодной. Но она была такова, это было у нее врожденное, она с самого детства не сходилась ни с кем из окружающих. Она была необщительна по природе, отличалась независимостью суждений, на все смотрела со своей точки зрения и действовала только по личным побуждениям. Ее бледное лицо, которое нельзя было назвать красивым, бросалось всем в глаза; в ее больших черных глазах была написана такая любознательность, в них беспрестанно сменялись выражения радости и душевного волнения, по ним видно было, как быстро схватывает она все, что говорилось и делалось вокруг нее, а потому многим глаза эти казались привлекательнее красоты ее младшей сестры. У нее был сильный, уравновешенный характер; она взяла в свои крепкие руки все обязанности покойной матери, и с самого того дня, в который случилось это великое несчастье – ее смерть, она вела все хозяйство, держала в повиновении прислугу, утешала отца и служила опорой своей младшей сестре, которая не отличалась таким твердым, как у нее, характером.

Ида Уокер была на целую четверть ниже Клары ростом, но ее лицо и вся фигура были полнее, чем у сестры. Это была блондинка с плутовскими голубыми глазами, в которых постоянно мелькала как будто насмешка, с большим, красиво очерченным ртом, немножко приподнятым на углах, – это означает, что человек умеет понимать шутки, и указывает на то, что даже при молчании на этих губах всегда готова появиться улыбка. Она одевалась по последней моде до самых подошв ее хорошеньких маленьких башмачков на высоких каблучках, не стыдилась показать, что страстно любит наряды и удовольствия, была большая охотница играть в теннис, любила ездить в оперу-буфф, приходила в восторг, если ей удавалось потанцевать, что, впрочем, очень редко выпадало на ее долю, и жаждала новых развлечений; но, несмотря на такое легкомыслие в ее характере, она была в полном смысле слова хорошей, здравомыслящей английской молодой девушкой, душой всего дома, в который вносила оживление, и кумиром отца и сестры. Такова была семья, жившая на даче № 2. Мы заглянем еще на последнюю дачу, и таким образом наши читатели познакомятся со всеми жителями Эрмитажа.

Адмирал Гей-Денвер не принадлежал к тем краснощеким, седовласым и здоровым морякам, которых мы чаще встречаем в романах, чем в списке флотских офицеров. Напротив, он был представителем типа, который попадаетеся гораздо чаще и совсем не соответствует тому понятию, которое мы составили себе о моряке. Это был худощавый человек, с резкими чертами лица – в его исхудалом лице было что-то орлиное – с седыми волосами, впалыми щеками, без усов и бороды и только с узенькой, изогнутой полоской бакенбард пепельного цвета. Какой-нибудь наблюдательный человек, привыкший сразу определять, к какому классу принадлежит тот или другой человек, счел бы его за каноника, который носит светское платье и любит жить в деревне, или за директора какого-нибудь большого учебного заведения, который сам принимает участие в играх своих учеников на открытом воздухе. Его губы были плотно сжаты, подбородок выдавался вперед, у него был суровый, холодный взгляд, а манеры отличались какой-то церемонностью. Сорок лет суровой дисциплины сделали его человеком замкнутым и молчаливым. Но на досуге в разговоре с равным себе он сейчас же оставлял тот повелительный тон, каким он привык говорить на палубе, и у него оказывался большой запас рассказов о том, что делается на свете, передаваемых без всяких прикрас, а так как он много видел в своей жизни, то

его было интересно послушать. Этого костлявого и сухошавого адмирала, который был тонок, как жокей, и гибок, как плеть, можно было видеть каждый день на пригородных дорогах, по которым он ходил, размахивая своею малакской тростью с серебряным набалдашником, той самой мирной походкой, какой он привык ходить по юту своего флагманского корабля. У него остался на щеке рубец, свидетельствующий о его усердной службе, – потому что на одной стороне ее была впадина с рубцом, – это на том месте, где он был ранен картечью, которою стреляли залпом, что случилось тридцать лет тому назад, когда он служил на ланкастерской батарее. Но, несмотря на это, он был крепок и здоров, и хотя он был на пятнадцать лет старше своего приятеля доктора, но на вид казался моложе его.

На долю миссис Гей-Денвер выпала очень невеселая жизнь, и она, живя на суше, вынесла гораздо больше, чем он на море. После свадьбы они прожили вместе только четыре месяца и затем расстались на четыре года, – в это время он плавал на военном корабле между островом Св. Елены и Масляной рекой. Затем наступил счастливый год мира и семейной жизни; за ним последовали девять лет службы с отпуском только на три месяца; из них пять лет он оставался в Тихом океане, а четыре – в Индийском. После этого наступило время отдыха: он прослужил пять лет в Ламаншской эскадре и время от времени приезжал домой; затем он опять отправился в Средиземное море на три года и в Галифакс на четыре. Но теперь, по крайней мере, эти состарившиеся муж и жена, которые до сих пор очень мало знали один другого, приехали вместе в Норвуд, и тут если им не приходилось проводить вместе день, то, по крайней мере, они могли надеяться на то, что спокойно и приятно проведут вместе вечер. Миссис Гей-Денвер была высокая ростом и полная дама с веселым, круглым, румяным лицом, все еще красивая; это была красота пожилой женщины, на которую приятно посмотреть. Вся ее жизнь служила доказательством ее преданности и любви, которую она делила между своим мужем и единственным сыном, Гарольдом.

Ради этого сына они и жили вблизи Лондона, потому что адмирал по-прежнему страстно любил корабли и соленую воду и чувствовал себя таким же счастливым на яхте, имеющей две тонны водоизмещения, как и на палубе своего монитора, делающего по шестнадцати узлов в час. Если бы он не был связан с семьей, то, конечно, выбрал бы себе для житья Девонширский или Гемпширский берег. Но тут дело шло о Гарольде, и родители прежде всего заботились об интересах сына. Теперь Гарольду было двадцать четыре года. Три года тому назад его принял к себе один из знакомых его отца, глава одной известной маклерской конторы, и под его руководством Гарольд стал делать дела на бирже. Когда им были внесены триста гиней залога, найдены три поручителя с залогом в пятьсот фунтов стерлингов каждый, он был принят комитетом, а затем исполнены и все другие формальности, – он, незначущая единица, завертелся в водовороте денежного мирового рынка. Приятель его отца посвятил его в тайны повышения и понижения фондов, познакомил его со странными обычаями биржи, со сложным процессом переводов и трансфертов. Он научился помещать деньги своих клиентов, узнавал, какие маклеры купят новозеландские акции и какие не возьмут ничего, кроме акций американских железных дорог, на каких можно положиться и каких следует избегать. Он усвоил себе не только все это, но еще и многое другое, и так основательно, что в скором времени дело пошло у него прекрасно; те клиенты, которые были направлены к нему, держались за него и доставили ему новых клиентов. Но такое дело было ему не по душе. Он любил чистый воздух, простую жизнь и физические упражнения, – это он наследовал от своего отца. Быть посредником между человеком, стремящимся к наживе, и тем богатством, которого тот добивался, или изображал из себя что-то вроде живого барометра, показывающего, повышается или понижается давление великой маммоны на рынках, – это было совсем не то дело, для которого Провидение предназначило этого широкоплечего человека с крепкими руками и ногами, который был так хорошо сложен. Да и самое его смуглое лицо с прямым греческим носом и большими карими глазами, а также и его круглая голова с черными кудрями указывали на то, что природа создала его

для физической деятельности. Но несмотря на это, он пользовался большой популярностью у своих братьев-маклеров, клиенты уважали его, а родители любили, и при всем том он не мог быть спокоен и беспрестанно возмущался в душе против всего, что его окружало.

– Знаешь ли, Уилли, – сказала как-то раз утром миссис Гей-Денвер, стоя за креслом, на котором сидел ее муж, и положив ему на плечо руки. – Мне кажется иногда, что Гарольд не вполне счастлив.

– Судя по его лицу, он счастлив, шельмец, – отвечал адмирал, указывая на него своей сигарой.

Дело происходило после обеда, и из венецианского окна столовой можно было видеть всю лужайку для тенниса, а также и игроков. Партия была только что кончена, и молодой Чарльз Уэстмакот высоко подбрасывал вверх шары для того, чтобы они могли упасть на середину огороженного для игры места. Доктор Уокер и миссис Уэстмакот ходили взад и вперед по лужайке, причем дама размахивала своим отбойником для того, чтобы придать больше силы своим словам, а доктор, наклонив голову, выражал кивками, что он с ней согласен. У ближнего конца решетки стоял, наклонившись, Гарольд в своем фланелевом костюме; он что-то говорил обеим сестрам, которые слушали его и от которых протянулись по лужайке длинные черные тени. Обе сестры были одеты одинаково – в юбках темного цвета, светло-розовых блузках такого покроя, какого они шьются для игры в теннис, и соломенных шляпках с розовыми лентами; так они стояли тут: Клара – сдержанная и спокойная, а Ида – насмешливая и смелая, и на их лица падал красный свет заходящего солнца; это была такая группа, которая понравилась бы и более строгому критику, чем старый моряк.

– Да, судя по лицу, он счастлив, мать, – повторил он со смехом. – Давно ли мы с тобой стояли так же, и мне кажется, что мы не были несчастливы в это время. В то время модной игрой был крокет, и дамы не зарифливали так туго свои юбки. В котором году это было, дай бог память? Как раз перед тем, как меня назначили на «Пенелопу».

Миссис Гей-Денвер запустила свои пальцы в его начинающие седеть волосы.

– Это было тогда, когда ты вернулся на «Антилопу», перед тем как тебе дали чин.

– Ах, эта старая «Антилопа!» Что же это был за клипер! Она могла делать двумя узлами больше всякого другого находившегося на службе судна одинакового с ней водоизмещения. Ведь ты помнишь ее, мать. Ты видела ее, когда она пришла в Плимутскую бухту. Ну, не правда ли, что она была красавица?

– Да, правда, мой милый. Но, если я говорю, что Гарольд несчастлив, я хочу сказать, что он недоволен своими повседневными занятиями. Разве тебе никогда не приходилось замечать, что он по временам бывает очень задумчив и рассеян?

– Он, может быть, влюблен, шельмец. Кажется, он теперь нашел себе удобное местечко, где стать на якорь.

– Похоже на то, что ты говоришь правду, Уилли, – сказала с серьезным видом мать.

– Но в которую из двух?

– Этого я не знаю.

– Надо сказать правду, обе они – прелестные девушки. Но до тех пор пока он будет колебаться, какую выбрать – ту или другую, это не может быть серьезным. Что же, ведь мальчику уже двадцать четыре года, и прошлый год он заработал пятьсот фунтов стерлингов. Он может жениться, потому что теперь богаче, чем я, когда я был лейтенантом и женился.

– Мне кажется, что теперь мы можем видеть, в которую он влюблен, – заметила наблюдательная мать.

Чарльз Уэстмакот перестал бросать свои шары и болтал с Кларой Уокер, а Ида и Гарольд Денвер все еще стояли у решетки и разговаривали, и по временам слышался их смех. Теперь составила новая партия, и доктор Уокер, который оказался лишним, вошел в калитку и пошел по дорожке сада.

– Добрый вечер, миссис Гей-Денвер, – сказал он, приподняв свою соломенную шляпу с широкими полями. – Можно к вам?

– Здравствуйте, доктор! Милости просим.

– Попробуйте-ка моих, – сказал адмирал, протягивая ему свою сигарочницу. – Они недурны. Я привез их с берега Москитов. Я было хотел подать вам сигнал, но вам там, на лужайке, кажется, было очень весело.

– Миссис Уэстмакот очень умная женщина, – сказал доктор, закуривая сигару. – Да, кстати, вы сейчас упомянули о береге Москитов. Что, когда вы там были, вы не видели Hyla?

– Такого названия нет в списке, – отвечал самым решительным тоном моряк. – Есть «Hydra» – это корабль с башнями для защиты гавани, но он всегда остается в Англии.

Доктор расхохотался.

– Мы с вами живем в двух совершенно различных мирах, – сказал он. – Hyla – это маленькая зеленая древесная лягушка, и Биль вывел свои заключения о протоплазме на основании того вида, какой имеют ее нервные клеточки. Я очень интересуюсь этим.

– Мало ли всякого рода гадины было там в лесах. Когда я исполнял речную службу, то ночью это все равно, что дежурить в машинном отделении. От этого свиста, кваканья и трещанья ни за что не уснешь. Господи боже мой! Что же это за женщина! Она в три прыжка промахнула всю лужайку. В старое время ей быть бы капитаном на фор-марсе.

– Это замечательная женщина.

– Полоумная!

– Очень рассудительная в некоторых вещах, – заметила миссис Гей-Денвер.

– Послушайте! – воскликнул адмирал, ткнув указательным пальцем доктора. – Помяните мое слово, Уокер, если мы не примем своих мер, то по милости женщины, с ее проповедями, у нас будет бунт. Вот моя жена уже разлюбила меня, то же самое будет и с вашими дочерьми. Нам нужно действовать общими силами, дружище, а иначе – прощай, дисциплина!

– Конечно, она держится крайних взглядов, – сказал доктор, – но в главном я с ней согласен.

– Браво, доктор! – воскликнула хозяйка дома.

– Как, вы изменяете вашему полу? Да мы будем судить вас полевым судом, как дезертира.

– Она совершенно права. Много ли таких профессий, которые открыты для женщин? Круг их деятельности слишком ограничен. Те женщины, которые работают из-за куска хлеба – жалкие создания: они бедны, не солидарны между собой, робки и принимают, как милостыню, то, что должны бы требовать по праву. Вот почему женский вопрос не предлагают с большею настойчивостью обществу; если бы крик об удовлетворении их требований был так же громок, как велика их обида, то он раздался бы по всему свету и заглушил собою все другие крики. Это ничего не значит, что мы вежливы с богатыми женщинами, которые отличаются изяществом и которым и без этого легко живется на свете. Это только форма, общепринятая манера. Но если мы действительно вежливы, то мы должны наклониться для того, чтобы поднять борющихся за существование женщин, когда они действительно нуждаются в нашей помощи, когда для них вопрос жизни и смерти, получают они эту помощь или нет. А потом эти разглагольствования, что женщине несвойственно заниматься высшими профессиями. Женщине свойственно умирать с голоду, но несвойственно пользоваться умом, которым одарил ее Бог. Неужели это не чудовищная притязательность с нашей стороны?

Адмирал засмеялся.

– Вы похожи на фотографа, Уокер, – сказал он, – все это было напето вам в уши, а теперь вы повторяете это по порядку. Все, что вы говорите, ведет прямо к бунту, потому что у мужчины есть свои обязанности, а у женщины свои, но они не похожи одни на другие, потому что у мужчины и у женщины – натура не одинаковая. Надо ждать того, что скоро у нас какая-

нибудь женщина поднимет свой флаг на флагманском корабле и будет командовать Ламаншской эскадрой.

– Но ведь у нас царствует женщина, которая управляет всем народом, – заметила его жена, – и все согласны в том, что она правит лучше мужчин.

Адмиралу был нанесен чувствительный удар.

– Ну, это совсем другое дело, – сказал он.

– Вы должны прийти на их ближайшее собрание. Я буду на нем председательствовать, – я это обещал миссис Уэстмакот. Однако становится холодно – моим девочкам пора идти домой. Доброй ночи! Завтра я зайду за вами после завтрака, и мы пойдем вместе гулять, адмирал.

Старый моряк посмотрел вслед своему приятелю и подмигнул.

– Сколько ему лет, мать?

– Должно быть, около пятидесяти.

– А миссис Уэстмакот который год?

– Я слышала, что ей сорок три.

Адмирал потер руки и весь затрясся от смеха.

– На этих днях мы увидим, что три и два равняются одному, – сказал он. – Я буду биться с тобой об заклад на новую шляпу, мать.

Глава IV

Тайна сестры

– Скажите мне, пожалуйста, мисс Уокер, – вы все знаете, – какая самая лучшая профессия для молодого человека двадцати шести лет, который мало учился и не особенно понятлив от природы?

Слова эти были сказаны Чарльзом Уэстмакотом в тот же самый летний вечер, о котором была речь раньше, на лужайке для тенниса, хотя уже наступили сумерки и игра прекратилась.

Молодая девушка, подняв кверху глаза, посмотрела на него: его слова показались ей смешными и удивили ее.

– Это вы говорите о себе?

– Вы угадали.

– Что же я могу сказать вам на это?

– Мне не с кем посоветоваться. Я думаю, что вы мне посоветуете лучше, чем кто-либо другой. Я дорожу вашим мнением.

– Это для меня очень лестно.

Тут она опять посмотрела на его серьезное лицо, по которому было видно, что он ждет от нее ответа, – лицо с глазами саксов и падающими вниз белокурыми усами, – она подумала, не шутит ли он. Напротив, он с величайшим вниманием ждал, что она скажет в ответ.

– Это зависит, знаете ли, главным образом от того, что вы можете делать. Я не настолько вас знаю, чтобы сказать, какие у вас таланты.

Они шли медленными шагами по лужайке, направляясь к дому.

– У меня нет никаких талантов, то есть таких талантов, о которых стоило бы говорить. У меня плохая память, и я очень туп.

– Но у вас большая физическая сила.

– О, это ровно ничего не значит! Я могу поднять с земли стофунтовую железную полосу и держать ее до тех пор, пока мне не велят положить ее на место. Но разве это профессия?

В уме мисс Уокер мелькнула шутка, которая пришла ей в голову, потому что одно и то же слово «bar» означает и полосу железа и занятие адвокатурой, но ее собеседник имел такой серьезный вид, что она подавила в себе желание пошутить.

– Я могу проехать мило на велосипеде по мощеной дороге за четыре минуты пятьдесят секунд и за городом за пять минут двадцать секунд, но какая мне от этого польза? Я мог бы быть профессиональным игроком в крокет, но это нельзя назвать почетным положением. Что касается лично меня, то я совсем не забочусь о почете, но это огорчило бы мою старуху.

– Вашу тетушку?

– Да, мою тетушку. Мои родители были убиты во время восстания, когда я был еще грудным ребенком, и она с тех пор взяла меня на свое попечение. Она была очень добра ко мне. Мне было бы жаль расстаться с ней.

– Но зачем же вам расставаться с ней?

Они подошли к воротам сада, и молодая девушка, наклонив свой отбойник к верхней перекладине, смотрела с серьезным видом и с участием на своего собеседника в белом фланелевом костюме.

– Из-за Броунинга, – сказал он.

– Что это значит?

– Не говорите тетушке, что я сказал это. – При этом он понизил голос до шепота. – Я ненавижу Броунинга.

Клара Уокер так весело расхохоталась, что он позабыл все страдания, которые пришлось ему вынести от этого поэта, и сам расхохотался.

– Я его не понимаю, – сказал он, – я хоть стараюсь понять, но он слишком труден. Конечно, это происходит оттого, что я очень глуп, – я этого не отрицаю. Но так как я не могу его понимать, то ни к чему и делать вида, будто я его понимаю. И, разумеется, это очень огорчает ее, потому что она обожает его и любит читать его вслух по вечерам. Теперь она читает одну вещь под заглавием «Пиппа проходит», и уверяю вас, мисс Уокер, что я не понимаю даже и смысла этого заглавия. Вы, конечно, думаете, что я страшно глуп.

– Но, наверно, он уж не так непонятен, как вы говорите? – сказала она, пытаясь ободрить его.

– Он страшно труден. У него, знаете ли, есть некоторые очень хорошие вещи, например «Поездка трех голландцев», «Герве Диль» и другие, – они очень хороши. Но вот то, что мы читали на прошлой неделе, – моя тетушка была озадачена с самой первой строки, это много значит, потому что она понимает его прекрасно. Вот эта строка: «Сетебос, и Сетебос, и Сетебос».

– Это похоже на какое-то заклинание.

– Нет, это имя одного господина. Я сначала подумал, что тут три человека, а тетушка говорит, что это один человек. Потом дальше идет: «Думает, что живет при лунном свете». Это была трудная вещь.

Клара Уокер засмеялась.

– Вам совсем не следует расставаться с вашей тетушкой, – сказала она. – Подумайте о том, какой одинокой она будет без вас.

– Конечно, я думал об этом. Но вы не должны забывать того, что моя тетушка совсем еще не стара и очень красива собой. Я не думаю, чтобы ее нелюбовь к мужчинам вообще простиралась и на отдельных лиц. Она может опять выйти замуж, и тогда я буду пятым колесом в телеге. Все это было хорошо до тех пор, пока я был мальчиком и при жизни ее первого мужа.

– Но скажите, пожалуйста, неужели же вы намекаете на то, что миссис Уэстмакот скоро выйдет замуж во второй раз? – спросила Клара, которая была озабочена его словами.

Молодой человек посмотрел на нее, и по его глазам было видно, что он хотел что-то спросить у нее.

– О, знаете ли, ведь это может же случиться когда-нибудь, – сказал он. – Конечно, это может случиться, а потому мне хотелось бы знать, чем я могу заняться.

– Я очень бы желала помочь вам, – сказала в ответ Клара, – но, право, я очень мало знаю о подобных вещах. Впрочем, я могу поговорить с отцом, он – человек опытный.

– Пожалуйста, сделайте это. Я буду очень рад, если вы поговорите с ним.

– Непременно поговорю. А теперь я должна проститься с вами, мистер Уэстмакот, потому что папа будет обо мне беспокоиться.

– Прощайте, мисс Уокер. – Он снял с головы свою фланелевую шапочку и зашагал в темноте.

Клара воображала, что они были последними на лужайке, но когда она, стоя на лестнице, ведущей на галерею, оглянулась назад, то увидела две черные фигуры, которые продвигались по лужайке, направляясь к дому. Когда они подошли ближе, то она могла рассмотреть, что это были Гарольд Денвер и ее сестра Ида. До ее слуха донеслись их голоса и затем звонкий, похожий на детский, смех, который был ей так хорошо знаком. «Я в восторге, – говорила ее сестра. – Это мне очень приятно, и я горжусь этим. Я этого даже и не подозревала. Ваши слова удивили меня и обрадовали. О, как я рада!»

– Это ты, Ида?

– О, тут Клара! Мне пора домой, мистер Денвер. Прощайте!

И затем в темноте послышался шепот, смех Иды и слова: «Прощайте, мисс Уокер!» Клара взяла сестру за руку, и обе они вошли на эту широкую раздвижную галерею. Доктор ушел в свой кабинет, и в столовой никого не было. Одна только маленькая красная лампочка, стояв-

шая на буфете, отражалась в находившейся вокруг нее посуде и красном дереве, на котором она стояла, хотя ее свет плохо освещал большую комнату, в которой было темно. Ида побежала к большой лампе, висевшей на потолке посередине комнаты, но Клара остановила ее за руку.

– Мне нравится этот спокойный свет, – сказала она. – Отчего бы нам здесь не поболтать?

Она села в большое кресло доктора, обитое красным плюшем, и Ида уселась на скамеечке у ее ног, поглядывая снизу на свою старшую сестру с улыбкой на губах и каким-то лукавым взглядом.

На лице Клары видна была какая-то тревога; впрочем, это выражение исчезло, после того как она посмотрела в честные голубые глаза своей сестры.

– Ты хочешь что-нибудь сказать мне, милочка? – спросила она.

Ида немножко надула губки и слегка пожала плечами.

– Тогда прокурор начал обвинять, – сказала она. – Ты хочешь подвергнуть меня допросу, Клара? Пожалуйста, не говори, что это неправда. Я бы посоветовала тебе переделать твоё серое фуляровое платье. Если чем-нибудь отделать и сделать к нему новый белый жилет, то оно будет совсем как новое, а теперь оно, право, очень некрасиво.

– Ты пробыла очень долго на лужайке? – сказала неумолимая Клара.

– Да, я немножко запоздала. Да ведь и ты тоже. Ты хочешь что-нибудь мне сказать? – И она засмеялась своим веселым звонким смехом.

– Я разговаривала с мистером Уэстмакотом.

– А я с мистером Денвером. Кстати, Клара, скажи мне по правде, что ты думаешь о мистере Денвере? Нравится он тебе? Ну, говори правду?

– Правду сказать, он мне очень нравится. Я думаю, что он – самый порядочный, скромный и отважный из всех молодых людей, с которыми приходилось мне встречаться. Я опять спрашиваю у тебя, милочка, не хочешь ли ты что-нибудь сказать мне?

Клара, точно мать, погладила золотистые волосы своей сестры и наклонила к ней свое лицо для того, чтобы услышать ожидаемое признание. Она ничего не желала так, как того, чтобы Ида вышла замуж за Гарольда Денвера, и, судя по тем словам, которые она слышала вечером, когда они шли домой с лужайки, она была уверена, что между ними был какой-то уговор.

Но Ида ни в чем не признавалась, – только опять та же самая лукавая улыбка на губах, а в глубоких голубых глазах что-то насмешливое.

– Это серое фуляровое платье... – начала она.

– Ах ты, маленькая мучительница! Ну, теперь я, в свою очередь, спрошу у тебя о том же, о чем ты спрашивала меня: нравится тебе Гарольд Денвер?

– О, это такая прелесть!

– Ида!

– Ведь ты меня спрашивала. Это то, что я о нем думаю. А теперь, милая моя любопытная старушка, ты от меня больше ничего не узнаешь: значит, тебе придется подождать и не быть слишком любопытной. Пойду, посмотрю, что делает папа.

Она вскочила со скамеечки, обвила руками шею сестры, прижала ее к себе и ушла. Ее чистый контральто, которым она пела хор из «Оливетты», становился все менее и менее слышен, наконец, где-то вдали хлопнули двери, и пение совсем прекратилось. Но Клара Уокер все сидела в этой тускло освещенной комнате, опершись подбородком на руки и смотря задумчивыми глазами на сгущающуюся темноту. На ней, девушке, лежала обязанность играть роль матери и направлять другую на тот путь, которым ей не пришлось еще идти самой. С тех пор как умерла ее мать, она никогда не думала о себе, а только об отце и о сестре. Она считала сама себя очень некрасивой и знала, что у нее манеры часто бывали неграциозны и именно в такое время, когда она больше всего хотела быть грациозной. Она видела свое лицо в зеркале, но не могла видеть той быстрой смены выражений, которая придавала ему такую пре-

лесть – глубокого сожаления, сочувствия, нежной женственности, которая привлекала к ней всех, кто был в сомнении или в горе, как, например, она привлекла к себе в этот вечер бедного непонятливого Чарльза Уэстмакота. Сама она, по ее мнению, не могла никого полюбить. Что касается Иды, веселой, маленькой, живой, с сияющим лицом, то это совсем другое дело, – она была создана для любви. Это было у нее врожденное. Она была юным и невинным существом. Нельзя было позволять того, чтобы она пустилась слишком далеко без помощи в это опасное плавание. Между нею и Гарольдом Денвером был какой-то уговор. У Клары, как у всякой доброй женщины, таилась в глубине души страсть устраивать браки, и она из всех мужчин уже выбрала Денвера, считая его надежным человеком, которому можно будет поручить Иду. Он не раз говорил с ней о серьезных вещах в жизни, о своих стремлениях, о том, какие улучшения в свете может оставить после себя человек. Она знала, что это был человек с благородным характером, с высокими стремлениями и серьезный. Но при всем том ей не нравилось то, что это держится в тайне, что Ида, такая откровенная и честная, не хочет сказать ей, что произошло между ними. Она подождет, и если только возможно, сама на следующий день наведет Гарольда Денвера на разговор об этом предмете. Очень может быть, что она узнает от него то, о чем не хотела сказать ей сестра.

Глава V

Победа на море

Доктор и адмирал имели обыкновение ходить гулять вместе между первым и вторым завтраком. Жители этого мирного местечка, где были проложены три дороги, обсаженные деревьями, привыкли видеть две фигуры – долговязого, худого и сурового на вид моряка и низенького, подвижного, одетого в костюм из твида доктора, которые ходили взад и вперед и появлялись всегда в одно и то же время с такой аккуратностью, что по ним можно было заводить остановившиеся часы. Адмирал делал два шага, в то время как его спутник делал три, но тот из них, который был помоложе, отличался большею быстротой, так что оба могли сделать не менее четырех с половиной миль в час, а может быть, и больше. За теми событиями, которые были описаны в предыдущей главе, наступил чудный летний день. Небо было темно-голубого цвета, и по нему плыли белые перистые облачка; воздух был наполнен жужжанием насекомых, которое вдруг слышалось сильнее, когда мимо них пролетали со своим дрожащим протяжным гудением пчела или шпанская муха, – гудением, которое как будто служило камертоном насекомым. Когда оба приятеля поднимались на те возвышенности, которые ведут к Хрустальному дворцу, они могли видеть темные облака дыма, окутывающие Лондон и тянущиеся по линии горизонта на север, и среди этого тумана показывались то колокольня, то купол. Адмирал был очень весел, потому что с утреннею почтой получены были хорошие известия для его сына.

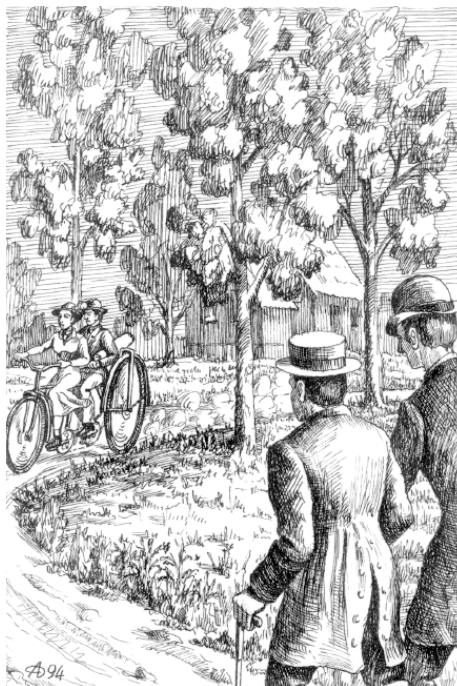
– Это удивительно, Уокер, – говорил он, – прямо удивительно, как выдвинулся вперед мой сын за эти последние три года. Мы получили сегодня письмо от Пирсона. Пирсон – это, как вам известно, старший компаньон фирмы, а мой сын – младший, фирма называется «Пирсон и Денвер». Этот Пирсон – ловкий старик, он такой хитрый и такой жадный, как акула в Ла-Плате. Но теперь он уезжает на две недели и передает все дела моему сыну, а дел у него множество, и вместе с тем предоставляет ему полную свободу действовать по своему усмотрению. Каково доверие? А ведь он только три года на бирже.

– Всякий может питать к нему доверие. За него ручается уже самое его лицо, – сказал доктор.

– Уж вы скажете, Уокер! – Адмирал толкнул его в бок локтем. – Вы знаете мою слабую сторону. Впрочем, это совершенная правда. Бог наградил меня хорошей женой и хорошим сыном, и, может быть, я еще больше ценю их оттого, что долго был с ними в разлуке. Мне нужно только благодарить за это Бога.

– То же самое я скажу и о себе. У меня такие две дочери, каких не скоро найдешь. Вот, например, Клара: она изучила медицину и знает ее настолько хорошо, что могла бы получить диплом, и делала это только для того, чтобы иметь возможность интересоваться моими трудами. Но, погодите, кто это там идет?

– На всем ходу и по ветру! – воскликнул адмирал. – Четырнадцать узлов, может, только без одного. Да ведь это она, та женщина, клянусь святым Георгием!

«На всем ходу и по ветру!» – воскликнул адмирал.

Быстро несущееся облако пыли обогнуло поворот дороги, и среди него показался высокий трехколесный тандем, который стрелой летел по дороге. Впереди сидела Уэстмакот, на ней была надета твидовая матросская куртка цвета вереска, юбка немного ниже колен и штиблеты из той же самой материи на толстых подошвах. Она держала под мышкой большую связку каких-то красных бумаг; между тем как Чарльз, сидевший позади нее, был одет в норфолькскую куртку с заправленными в сапоги панталонами, и из обоих его карманов торчал сверток точно таких же бумаг. В то время когда оба приятеля стояли и смотрели, эта парочка убавила ход велосипеда, дама прыгнула с него, прибила одно из своих объявлений к садовой решетке пустого дома и затем, вскочив опять на свое место, хотела стремительно лететь дальше, но племянник обратил ее внимание на двух джентльменов, которые стояли на тропинке.

– О, я, право, не заметила вас! – сказала она и, сделав несколько поворотов ручкой, направила к ним велосипед. – Какое прекрасное утро, не правда ли?

– Чудное, – ответил доктор. – Кажется, вы очень заняты?

– Да, я очень занята. – Она указала на цветную бумагу, прибитую к решетке, которая все еще развевалась по ветру. – Мы ведем свою пропаганду, как видите. Мы с Чарльзом занимаемся этим с семи часов утра. Тут дело идет о нашем собрании. Я желаю, чтобы оно увенчалось полным успехом. Вот посмотрите! – Она разгладила одно из объявлений, и доктор прочел свою фамилию, напечатанную большими черными буквами в конце.

– Как видите, мы не забываем нашего президента. К нам придут все. Эти две милые старые девы, которые живут напротив – мисс Вильямс, держались некоторое время в стороне от нас, но теперь я добилась того, что они дали обещание прийти. Адмирал, я уверена, что вы нам сочувствуете.

– Гм! Я не желаю вам зла, сударыня.

– Вы придете на платформу?

– Я буду... Нет, кажется, я не могу этого сделать.

– Ну, так на наше собрание.

– Нет, сударыня, я никогда не выхожу после обеда.

– О, вы, конечно, придете! Я зайду к вам, если у меня будет время, и поговорю с вами об этом, когда вы вернетесь домой. Мы еще не завтракали. Прощайте.

Затем послышался шум колес, и желтоватое облако опять покатилося по дороге. Адмирал увидел, что кто-то успел всунуть ему одно из этих противных объявлений, которое он держал в правой руке. Он скомкал его и бросил на дорогу.

– Пусть меня повесят, Уокер, если я пойду, – сказал он, продолжая свою прогулку. – До сих пор меня еще никто не мог заставить сделать что-нибудь – ни мужчина, ни женщина.

– Я никогда не бьюсь об заклад, – ответил на это доктор, – но по-моему, шансы скорее за то, что вы пойдете.

Адмирал только что успел прийти домой и усесться в столовой, как на него опять было сделано нападение. Он, не спеша и с любовью, развертывал номер «Таймс», приготавливаясь к долгому чтению, которое должно было продолжаться до второго завтрака, и уже укрепил золотое пенсне на своем тонком носу с горбинкой, как вдруг услышал, что хрустит песок, и, выглянув из-за газеты, увидел, что по садовой дорожке идет миссис Уэстмакот. На ней был надет все тот же странный костюм, который шокировал моряка, бывшего человеком старого покроя, так как не согласовывался с его понятиями о приличии, но смотря на нее, он не мог отрицать того, что она была очень красива собой. В разных странах он видел женщин различных оттенков кожи и разного возраста, но он не видел такого красивого лица с правильными чертами и такой прямой, гибкой и женственной фигуры. Смотря на нее, он перестал сердиться, и на лбу у него разгладились морщины.

– Можно войти? – сказала она, показываясь в окне на фоне зеленой лужайки и голубого неба. – Мне кажется, что я вторгнулась внутрь неприятельской страны.

– Это очень приятное вторжение, сударыня, – сказал он, откашливаясь и одергивая свой высокий воротничок. – Садитесь в это садовое кресло. Чем могу я вам служить? Не позвонить ли мне и не велеть ли сказать миссис Денвер, что вы здесь?

– Пожалуйста, не беспокойтесь, адмирал. Я зашла к вам только по поводу нашего разговора сегодня утром. Я хочу, чтобы вы не отказали нам в вашей сильной поддержке на нашем будущем собрании, где будет обсуждаться вопрос об улучшении участи женщины.

– Нет, сударыня. Я не могу сделать этого. – Он сжал губы и покачал своей начинающей седеть головой.

– Почему же вы не можете?

– Это против моих принципов, сударыня.

– Почему против ваших принципов?

– Да потому, что у женщины свои обязанности, а у мужчины свои. Может быть, я человек старого покроя, но таков мой взгляд. Да скажите, пожалуйста, до чего же, наконец, дойдут? Я только вчера вечером говорил доктору Уокеру, что у нас в скором времени явится женщина, которая захочет командовать Ламаншской эскадрой.

– Это одна из тех немногих профессий, в которых не может быть прогресса, – сказала миссис Уэстмакот с самой приятной улыбкой. – В этом случае бедная женщина должна искать защиты у мужчины.

– Я не люблю этих нововведений, сударыня, и говорю вам откровенно, что не люблю их. Я люблю дисциплину и думаю, что всякий становится от нее лучше. Теперь женщинам дано много такого, чего у них не было в то время, когда жили наши отцы. Мне говорили, что у них есть свои университеты, и я слышал, что есть женщины доктора. Кажется, следовало бы им быть довольными этим. Чего же им еще нужно?

– Вы – моряк, а моряки всегда относятся к женщине по-рыцарски. Если бы вы знали, как обстоит дело, то вы переменили бы свое мнение. Что делать этим бедняжкам? Их так много, а таких занятий, которые они могли бы взять на себя, очень мало. Идти в гувернантки? Но теперь совсем нет мест. Давать уроки музыки и рисования? Но из пятидесяти женщин не

найдется ни одной, у которой был бы талант к этому. Сделаться доктором? Но для женщин эта профессия все еще сопряжена с затруднениями: нужно учиться долго и иметь небольшое состояние для того, чтобы получить диплом. Идти в няньки? Но это тяжелый труд, который плохо оплачивается, и вынести его могут только те, у которых крепкое здоровье. Что же, по-вашему, они должны делать, адмирал? Сидеть, сложа руки, и умирать с голода?

– Ну, ну! Их положение не так уж плохо.

– Нужда страшная. Напечатайте в газетах, что нужна компаньонка на жалованье десять шиллингов в неделю, – а это меньше, чем жалованье кухарки, – и вы увидите, сколько вам пришлют ответов. Для этих тысяч женщин, борющихся за существование, нет никакой надежды, никакого исхода. Их скучная жизнь, при которой они бьются из-за куска хлеба, приводит к безотрадной старости. Но когда мы стараемся внести в нее какой-нибудь луч надежды, обещать им хотя бы в отдаленном будущем, что их участь несколько улучшится, то рыцари-джентльмены говорят нам, что помогать женщинам – это против их правил.

Адмирал поколебался, но покачал головою, выражая этим, что не согласен с ней.

– Вот, например, служба в банках, занятие адвокатурой, ветеринария, казенные должности, гражданская служба – по крайней мере, эти профессии должны быть открыты для женщин, если у них хватит настолько ума, чтобы с успехом конкурировать и добиваться их. А потом если бы оказалось, что женщина не годится в этих случаях, то она должна бы пенять сама на себя, и большинство населения нашей страны уже не могло бы жаловаться на то, что для них существует другой закон, чем для меньшинства, и что их держат в бедности и рабстве, что им закрыта всякая дорога к независимости.

– Что же вы намерены делать, сударыня?

– Поправить наиболее бросающиеся в глаза несправедливости и, таким образом, подготовить реформу. Вот посмотрите на того человека, который копает землю там, в поле. Я его знаю. Он не умеет ни читать, ни писать, пьяница, и у него столько же ума, сколько у того картофеля, который он выкапывает из земли. Но у этого человека есть право голоса; его голос может иметь решающее значение на выборах и оказать влияние на политику нашего государства. А вот, чтобы не ходить далеко за примерами, я – женщина, которая получила образование, путешествовала, видела и изучала учреждения многих стран, – у меня есть довольно большое состояние, и я плачу в казну налогами больше денег, чем этот человек тратит на водку, а между тем я не имею прямого влияния на то, как будут распределены те деньги, которые я плачу, все равно как вон та муха, которая ползет по стене. Разве это справедливо? Разве это честно?

Адмирал беспокойно задвигался в своем кресле.

– Вы составляете исключение, – сказал он.

– Но ни у одной женщины нет права голоса. Примите в расчет то, что женщины составляют большинство населения. Но если бы был предложен какой-нибудь законодательный вопрос, и все женщины были против него, а мужчины за него, это имело бы такой вид, что дело решено единогласно, между тем как более половины населения было бы против. Разве это справедливо?

Адмирал опять завертелся. Моряк, дамский угодник, чувствовал себя в очень неловком положении: его противницей была красивая женщина, она бомбардировала его вопросами, и ни на один из них он не мог ответить. «Я не мог даже вынуть пробок из своих пушек», – так объяснял он свое положение в тот же день вечером доктору.

– Вот на эти-то вопросы мы и обратим особенное внимание на собрании. Свободный доступ к профессиям, окончательное уничтожение зенаны, как я называю это, и право голоса для всякой женщины, которая платит казенные налоги свыше известной суммы. Конечно, в этом нет ничего неразумного, ничего такого, что могло бы противоречить вашим принципам. У нас будут доктора, адвокаты и духовные лица, – все они соединятся в этот вечер для того,

чтобы оказать защиту женщине. Неужели же из всех профессий будут отсутствовать только флотские офицеры?

Адмирал вскочил из своего кресла, и у него было на языке бранное слово.

– Позвольте, позвольте, сударыня! – воскликнул он. – Оставьте это на время. Я довольно наслушался. Вы убедили меня относительно одного из двух пунктов. Я этого не отрицаю. Но мы на этом и остановимся. Я буду считать дело конченным.

– Конечно, адмирал. Прежде чем решиться, вы должны подумать, мы торопить вас не будем. Но мы все-таки надеемся увидеть вас на нашей платформе.

Она встала с места и начала переходить, не спеша, как мужчина, от одной картины к другой, потому что все стены были увешаны картинами, напоминавшими о рейсах, сделанных адмиралом.

– Э! – сказала она. – Наверно, этот корабль должен был бы свернуть свои нижние паруса и зарифить марсели, если бы он находился у подветренного берега и ветер дул в его корму.

– Конечно, он должен был бы так сделать. Художник нигде не бывал дальше Гревсэнда. Это «Пенелопа» в том виде, как она была 14 июня 1857 года, в узком месте Банкских проливов с островами Банка на штирборте и Суматрой на левом борте. Он нарисовал ее по описанию, но, конечно, как вы совершенно справедливо говорите, все было подобрано внизу, на ней были поставлены штормовые паруса, а на марселях взяты двойные рифы, потому что с юго-востока дул циклон. Вам делает честь, сударыня, что вы это знаете. Право, так!

– О, я и сама немножко плавала, насколько может пуститься в плавание женщина, знаете ли. Это Фунчальский залив. Какой прелестный фрегат!

– Прелестный, говорите вы? Ах, да, он, действительно, был прелестный! Это «Андромеда». Я был на нем подштурманом, или младшим лейтенантом, как говорят теперь, хотя мне больше нравится старое название.

– Как хорош уклон ее матч, и как красиво очертание ее носа! Должно быть, это был клипер.

Старый моряк потер себе руки от удовольствия, и глаза его заблестали. Он так же любил свои старые корабли, как свою жену и сына.

– Я знаю Фунчальский залив, – сказала небрежным тоном дама. – Два года тому назад у меня была яхта «Бэпши» в семь тонн, оснащенная как катер, и мы отправились из Фальмута в Мадеру.

– Как, сударыня, вы отправились на яхте в семь тонн?

– Да, с двумя молодыми парнями из Корнваллиса вместо матросов. О, это было чудесное плавание! Я провела две недели на открытом воздухе; никто мне не надоедал, не было ни писем, ни посетителей, и мне не приходило в голову никаких пустых мыслей, когда я видела перед собою только великие дела рук Божьих, волнующееся море и необъятный небесный свод. Вот говорят о верховой езде: я и сама страстно люблю лошадей, но что же может сравниться с быстротою маленького судна, когда оно скатывается вниз с крутого бока волны и затем трепещет и подпрыгивает, когда его опять бросает вверх? О, если наши души переселяются в животных, и мне было бы предназначено переселиться в какую-нибудь птицу, которая летает по воздуху, то я желала бы быть морской чайкой! Но я задерживаю вас, адмирал. Прощайте!

Старый моряк был в таком восторге и так сочувствовал ей, что не мог вымолвить ни слова. Все, что он мог сделать, это только пожать ее широкую мускулистую руку. Она прошла уже до половины садовой дорожки, но вдруг услышала, что он зовет ее, и, оглянувшись, увидела, что из-за драпировки выставились его поседевшая голова и загорелое лицо.

– Вы можете меня записать, я приду на платформу, – крикнул он и затем, сконфузившись, исчез за номером «Таймс»; за чтением этой газеты и застала его жена, когда наступило время второго завтрака.

– Кажется, у тебя был долгий разговор с миссис Уэстмакот? – сказала она.

– Да, и я думаю, что это одна из самых разумных женщин, с какими приходилось мне встречаться.

– Разумеется, за исключением вопроса о правах женщины.

– Ну, не знаю. Что касается этого, то она может много сказать за себя лично. Дело в том, мать, что я взял билет на ее собрание на платформе.

Глава VI

Старая история

Но в этот день миссис Уэстмакот вела имевший также важные последствия разговор не с одним только адмиралом, и из жителей Эрмитажа адмирал был не единственным лицом, в значительной степени изменившим свое мнение. Миссис Уэстмакот пригласила играть в теннис два семейства соседей – Уинсло из Эперли и Комбербатчей из Джипси-Гилля, и лужайка пестрела в этот вечер белыми костюмами молодых мужчин и светлыми платьями девушек. Старикам, сидевшим вокруг в своих плетеных садовых креслах, было весело смотреть на эти быстро бегающие, наклоняющиеся и прыгающие фигуры, мелькающие юбки и показывающиеся из-под них парусиновые башмаки, слушать стук отбойников и резкий свист мячей, рассекавших воздух, вместе с непрестанно повторяемыми маркером словами: «Пятнадцать мимо – все пятнадцать», – все это радовало их сердца. Им было приятно видеть их сыновей и дочерей такими веселыми, здоровыми и счастливыми, и радость этих последних сообщалась и им, так что трудно было сказать, кому доставляла больше удовольствия игра – тем ли, которые играли, или тем, которые смотрели на играющих. Когда миссис Уэстмакот окончила партию, она заметила, что Клара сидит совершенно одна на дальнем конце лужайки. Пробежав по отгороженному для игры месту, она, к удивлению приглашенных гостей, перепрыгнула через сетку и уселась рядом с ней. Клару, всегда сдержанную и отличавшуюся деликатностью, немножко пугали смелая откровенность и странные манеры вдовы, но ее женское чутье подсказывало ей, что под всеми этими странностями было много хорошего и благородного. Поэтому, увидав, что она направляется к ней, улыбнулась и кивнула головой в знак приветствия.

Старикам, сидевшим вокруг в своих плетеных садовых креслах, было весело смотреть на эти быстро бегающие, наклоняющиеся и прыгающие фигуры...

– Почему же вы не играете? Ради бога, не вздумайте изображать из себя скучающую молодую даму. Если вы откажетесь от игр на чистом воздухе, то перестанете и быть молодой.

– Я сыграла одну партию, миссис Уэстмакот.

– Это хорошо, моя милая. – Она села рядом и похлопала ее по плечу своим отбойником. – Я люблю вас, моя милая, и буду называть просто Кларой. Вы не так смелы, как бы мне хотелось, но все-таки я вас очень люблю. Приносить себя в жертву – прекрасно, знаете ли, но с нашей

стороны было слишком много самопожертвования, и нам бы следовало потребовать немножко самопожертвования и с другой стороны. Какого вы мнения о моем племяннике Чарльзе?

Этот вопрос был сделан так неожиданно, что Клара чуть не вскочила со своего кресла.

– Я... я... я почти совсем не думала о вашем племяннике Чарльзе.

– Не думали? О, вы должны хорошенько подумать о нем, потому что о нем я и хочу поговорить с вами.

– Со мной? Но почему же именно со мной?

– Это кажется мне чрезвычайно щекотливым предметом. Видите ли, Клара, дело вот в чем: весьма возможно, что я скоро попаду в совершенно другую сферу, где на мне будут лежать новые обязанности, и тогда мне будет совершенно невозможно жить вместе с Чарльзом.

Клара посмотрела на нее с удивлением. Неужели это означает, что она намерена выйти опять замуж. На что же другое, как не на это, намекает она?

– Следовательно, Чарльз должен жить своим домом. Это ясно. Я не люблю холостой жизни. А вы что скажете?

– Право, миссис Уэстмакот, я никогда об этом не думала.

– О, вы маленькая хитрая кошечка! Разве найдешь такую девушку, которая никогда бы не думала об этом. Я думаю, что молодому человеку двадцати шести лет непременно нужно жениться.

Клара чувствовала себя в очень неловком положении. У нее мелькнула в голове ужасная мысль, что она послана Чарльзом в качестве посредницы, чтобы сделать ей предложение. Но может ли это быть? Она не более трех или четырех раз говорила с ее племянником и знала о нем только то, что он сам сказал ей накануне вечером. Стало быть это невозможно. Но все-таки что же мог означать разговор его тетки о своих личных делах?

– Разве вы не думаете сами, – не отставала от нее миссис Уэстмакот, – что молодому человеку двадцати шести лет лучше всего жениться?

– Я думаю, что он в таком возрасте, что может решить это сам.

– Да, конечно. Он это и сделал. Но Чарльз немного робок, он не решается высказаться сам. Я думала, что вы поможете ему в этом. Две женщины могут устроить все гораздо лучше. Мужчины иногда затрудняются, когда им приходится объясняться.

– Я, право же, не понимаю вас, миссис Уэстмакот! – воскликнула в отчаянии Клара.

– У него нет никакой профессии. Но у него развитой вкус. Он каждый вечер читает Брунинга. А потом, он обладает удивительной силой. Когда он был моложе, мы оба с ним надевали перчатки, но теперь я не могу убедить его надевать их: он говорит, что это стесняет в игре свободу его движений. Я даю ему обыграть себя на пятьсот, и этого должно быть довольно с него на первое время.

– Дорогая миссис Уэстмакот, – воскликнула Клара, – уверяю вас, что я решительно не понимаю, к чему вы все это говорите!

– Как вы думаете, согласилась ли бы ваша сестра Ида выйти замуж за моего племянника Чарльза?

Ее сестра Ида? Она почувствовала некоторое облегчение и удовольствие при этой мысли. Ида и Чарльз Уэстмакот. Она никогда не думала об этом. А ведь они часто бывали вместе. Они играли в теннис. Они ездили вместе на трехколесном тандеме. Ею снова овладела радость, и затем она начала с беспристрастием рассматривать свою совесть. Чему она так радуется? Может быть, в глубине души, в одном из самых сокровенных ее тайников, где таилась мысль, что если сватовство Чарльза окажется удачным, то Гарольд Денвер будет тогда свободен? Какая это низкая, несвойственная молодой девушке и несогласующаяся с ее любовью к сестре мысль! Она старалась подавить эту мысль, отбросить ее от себя, но она, как змея, все-таки поднимала кверху свою маленькую вредоносную голову. Клара покраснела от стыда, подумав, какая это низость, и затем опять повернулась к своей собеседнице.

– Я, право, не знаю, – сказала она.

– Она никому не давала слова?

– Насколько мне известно – нет.

– Вы говорите неуверенно.

– Это потому, что я не знаю наверняка. Но он может спросить у нее. Это ей только польстит.

– Совершенно верно. Я скажу ему, что это самый удачный комплимент, который может сделать мужчина женщине. Он немножко застенчив, но когда он решится сделать что-нибудь, он это сделает. Он страшно влюблен в нее, уверяю вас. Эти маленькие живые создания всегда привлекают к себе людей неповоротливых и тяжелых на подъем, это – уловка природы для того, чтобы на свете не было скучных людей. Но все расходятся по домам. Если вы позволите мне, то я воспользуюсь удобным случаем и скажу ему, что, насколько вам известно, тут нет никакого препятствия.

– Насколько мне известно, – повторила Клара, когда вдова подошла к группе игроков, из которых одни собирались около решетки, а другие медленно шли домой.

Она также встала с места, чтобы идти вслед за ней, но у нее от наплыва новых мыслей закружилась голова, и она опять села. Кто будет лучшим мужем для Иды, – Гарольд или Чарльз? И она думала об этом с такою заботливостью, как мать, которая думает о будущем единственного ребенка. Гарольд казался ей во многих отношениях самым благородным и самым лучшим из всех молодых людей, которых она знала. Если она когда-нибудь полюбит мужчину, то этот последний должен быть таким, как он. Но она не должна и думать о себе. У нее были причины думать, что оба эти человека влюблены в ее сестру. Который же из них будет лучшим для нее мужем? Но, может быть, дело это было уже решено. Она не могла забыть отрывочных фраз из разговора, слышанного ею накануне вечером, и тайны, которую отказалась ей открыть сестра. Если Ида не хотела сказать ей, то был еще другой человек, который мог это сделать. Она подняла кверху глаза, и перед нею стоял Гарольд Денвер.

– Вы очень задумались, – сказал он с улыбкой. – Я надеюсь, что вы думаете о чем-то приятном.

– О, я составляла планы, – сказала она, поднимаясь с места, – но я думаю, что на это никогда не следует тратить времени, потому что дела устроятся сами собою и так, как мы совсем не ожидаем.

– Какие же вы составляли планы?

– Планы на будущее.

– Чье будущее?

– Мое и моей сестры Иды.

– А меня вы включили в это будущее вас обеих?

– Я думаю, что в него включены все наши друзья.

– Подождите немножко, – сказал он, когда она пошла медленными шагами по направлению к дому, – мне нужно кое-что сказать вам. Давайте походим с вами по лужайке. Может быть, вам холодно? Если холодно, то я могу принести вам платок.

– О нет, мне не холодно.

– Вчера вечером я говорил с вашей сестрой Идой.

Она заметила, что у него немного дрожит голос и, посмотрев на его смуглое лицо с правильными чертами, увидела, что у него очень серьезный вид. Она поняла, что дело совсем решено и что он подошел к ней с тем, чтобы просить руки ее сестры.

– Она прелестная девушка, – сказал он, помолчав немного.

– Да, это правда! – воскликнула с жаром Клара. – Тот, кто жил с ней и знает ее близко, может сказать, какая это прелестная и добрая девушка. Она точно солнечный луч в доме.

– Только действительно добрый человек может быть так счастлив, как, по-видимому, счастлива она. Я думаю, что самый лучший дар Божий, это – чистая душа и возвышенный ум, так что человек, обладающий ими, не способен видеть что-нибудь нечистое или злое в окружающем нас мире. Потому что, если мы видим все это, разве мы можем быть счастливыми?

– В ее характере есть также и более глубокая сторона, но она не показывает ее людям, и это очень понятно, потому что она еще молода. Но она размышляет и знает, к чему стремится.

– Я восхищаюсь ей не меньше вас. Право, мисс Уокер, я желаю только одного – поближе породниться с ней и сознавать, что между нами существует вечный союз.

Вот оно, наконец! На минуту у нее сжалось сердце, но затем сильная любовь к сестре одержала верх. Прочь эта злая мысль, которая, подобно змее, все хочет поднять вверх свою вредноносную голову!

Она повернулась к Гарольду с блестящими глазами.

– Мне хотелось быть поближе к вам обоим, и я желал бы, чтобы вы меня полюбили, – сказал он, взяв ее за руку. – Я хочу, чтобы Ида была моей сестрой, а вы – моей женой.

Она ничего не ответила ему на это и только стояла и смотрела на него с раскрытым ртом, ее большие черные глаза глядели на него вопросительно. Она не видела больше ничего – ни лужайки, ни разбитых по склону садов, ни каменных дач, ни начинавшего темнеть неба с бледным полумесяцем, который начал показываться над дымовыми трубами. Все исчезло у нее из глаз, и она видела перед собою только смуглое, серьезное лицо, на котором была написана мольба, и слышала как будто где-то вдали какой-то голос, который обращался не к ней – голос мужчины, который говорил женщине, как сильно любит ее. Он был несчастлив, говорил этот голос; его жизнь не была ничем наполнена, только одно и могло спасти его; он дошел до такого места, откуда идут две дороги – одна ведет к счастью и чести, всему возвышенному и благородному, а другая – к убивающей душу, одинокой жизни, к погоне за наживой, к мукам, к эгоистическим целям. Ему нужна была только рука любимой им женщины, чтобы вести его по этой лучшей дороге. А что он сильно любит ее, это докажет его жизнь. Он любил ее за то, что она была такая привлекательная, за ее женственность и вместе с тем силу. Он нуждался в ней. Неужели же она не придет к нему? И в то время когда она слушала все это, она вдруг поняла, что этим мужчиной был Гарольд Денвер, а этою женщиною – она сама, и что все созданное руками Божиими было прекрасно: зеленая лужайка у нее под ногами, шелест листьев на деревьях, длинные полосы оранжевого цвета на западе. Она заговорила, и хотя сама хорошенько не знала, что означают ее отрывочные слова, но увидела, что его лицо осветилось радостью, и он все держал ее руку в своей, когда они шли в сумерках. Они теперь ничего не говорили, но только шли, и при этом каждый из них сознавал другого. Все вокруг них как будто обновилось, это были все знакомые предметы, но притом в них было что-то новое, – найденное ими счастье придавало всему особенную красоту.

– Знали ли вы об этом раньше? – спросил он.

– Я не смела и подумать об этом.

– Какую ледяную маску я должен был носить! Может ли человек, испытывающий такое чувство, как я, не показывать этого? Но, по крайней мере, ваша сестра знала об этом.

– Ида!

– Она узнала вчера вечером. Она начала хвалить вас, я высказал свои чувства, и в одну минуту ей сделалось все известно.

– Но что могли вы... что могли вы найти во мне? О, дай бог, чтобы вы не раскаялись в этом.

При этом счастье ее нежное сердце тревожила мысль о том, что она недостойна счастья.

– Раскаиваться в этом? Я чувствую, что я спасен. Вы не знаете, до чего деморализирует человека эта жизнь в Сити, как она его унижает и вместе с тем поглощает все его время. У вас всегда слышится в ушах звон денег. Вы не можете думать ни о чем другом. Я ненавижу ее от

всей души, но могу ли я оставить ее, если я этим огорчу моего дорогого старого отца? Есть только одно средство, которое может спасти меня от заразы, – это если на меня дома будет влиять что-нибудь чистое и возвышенное, так что это закалит меня против всего, что может меня унижить. Я уже почувствовал на себе это влияние. Я знаю, что когда я говорю с вами, я бываю лучше. Вы, и никто другой, должны идти со мной рука об руку в жизни, а иначе я пойду совершенно один.

– О, Гарольд, я так счастлива!

И они все ходили в сумерках, которые постепенно сгущались, между тем как на темно-голубом небе над их головами стали показываться одна за другою звезды. Наконец, с востока подул холодный ночной ветер и напомнил им о реальном мире.

– Вы должны идти домой. Вы простудитесь.

– Мой отец будет беспокоиться обо мне. Сказать ему об этом?

– Да, если вам так угодно, мое сокровище! Или же я скажу ему завтра утром. Но нынче вечером я должен сказать об этом матери. Я знаю, что она будет в восторге.

– Надеюсь, что так будет.

– Позвольте мне проводить вас по садовой дорожке. Теперь так темно, а у вас еще не зажжена лампа. Вот галерея. Так до завтра, моя дорогая!

– До завтра, Гарольд.

– Сокровище мое!

Он наклонился к ней, и их губы встретились в первый раз. Затем, когда она отодвинула стеклянную раму, она услышала, как он быстрыми твердыми шагами шел по выложенной щебнем садовой дорожке. Когда она вошла в комнату, то в ней была уже зажжена лампа и тут находилась Нда, которая точно какая-нибудь злая маленькая фея танцевала перед ней.

– А у тебя нет ничего такого, что ты могла бы передать мне? – спросила она с важностью. А затем, бросившись на шею к сестре, она воскликнула: – О, ты моя милая, милая Кларочка! Как я рада! Как я рада!

Глава VII

«Venit tandem felicità»

Ровно через три дня после того, как доктор и адмирал поздравили друг друга, радуясь тому, что этот союз еще теснее соединит их семьи, а их дружба делается для них еще дороже и душевнее, мисс Ида Уокер получила письмо, которое в одно и то же время и удивило, и очень насмешило ее. Оно было прислано от соседей рядом с ними, и его принес после завтрака рыжий мальчик.

«Дорогая мисс Ида, – так начиналось это курьезное послание, а дальше шло уже в третьем лице: – *Мистер Чарльз Уэстмакот надеется, что он будет иметь величайшее удовольствие покататься с мисс Идой Уокер на его трехколесном тандеме. Мистер Чарльз Уэстмакот придет на нем через полчаса. Вы будете сидеть впереди. Преданный вам всей душой Чарльз Уэстмакот*». Письмо было написано крупным почерком школьника; буквы, с очень тонкими штрихами наверху и нажимами внизу, стояли отдельно одна от другой, как будто бы тому, кто писал это письмо, стоило большого труда написать его.

Хотя письмо это было странно по форме, но смысл его был ясен, поэтому Ида поспешно пошла в свою комнату и только что успела надеть свое светло-серое платье для езды на велосипеде, когда увидела у входной двери тандем, на котором сидел его рослый и широкоплечий хозяин. Он посадил ее на седло с более важным и задумчивым лицом, чем обыкновенно, и через минуту они быстро катились по прекрасным гладким пригородным дорогам по направлению к Форест-Гиллю. Тяжелая машина подпрыгивала и дрожала всякий раз, как этот атлет нажимал на педали своими большими ногами, между тем как миниатюрная фигурка в сером со смеющимся лицом и развевающимися по ветру золотистыми локонами, которые падали из-под маленькой соломенной шляпы с розовой лентой, только твердо держалась на своей насести, а педали вертелись сами собою у нее под ногами. Они проехали милю за милей, причем ветер дул ей прямо в лицо, а деревья, шедшие двумя длинными рядами по обе стороны дороги, только мелькали в глазах; они объехали кругом Кройдон и приближались к Норвуду с противоположной стороны.

– Вы не устали? – спросила она у него, смотря через плечо и повернув к нему маленькое розовое ушко, пушистый золотистый локон и один голубой глаз, который блестел из-под угла века.

– Ни крошечки. Я только что разошелся.

– Не правда ли, как хорошо быть сильным? Вы всегда напоминаете мне паровик.

– Почему паровик?

– Да потому, что он имеет громадную силу, на него можно положиться, и он не рассуждает. Я не хотела сказать этого последнего слова, знаете ли, но... но... вы знаете, что я хочу сказать. Скажите, что такое с вами?

– Почему вы меня спрашиваете об этом?

– Да потому, что у вас есть что-то на душе. Вы нынче ни разу не смеялись.

Он засмеялся принужденным смехом.

– Я очень весел, – сказал он.

– О нет, вы совсем не веселы! А почему вы написали мне такое страшно сухое письмо?

– Ну вот! – воскликнул он. – Я был уверен в том, что оно вышло сухо. Я сказал себе, что оно до крайней степени сухо.

– Так зачем было писать его?

– Оно не моего сочинения.

– Так кто же его сочинил? Ваша тетушка?

– О нет. Один человек, по имени Слаттери.

– Господи боже мой! Кто же это такой?

– Я так и знал, что это откроется, я чувствовал, что так выйдет. Вы слышали о Слаттери, авторе?

– Никогда не слыхала.

– Он умеет удивительно хорошо выражать свои мысли. Он написал книгу под заглавием: «Открытая тайна, или легкий способ писать письма». В ней вы найдете образцы всевозможных писем.

Ида расхохоталась:

– Значит, вы и на самом деле списали одно из них?

– В письме было приглашение молодой даме на пикник, но я принялся за дело и так его изменил, что оно вполне годилось для меня. Слаттери, как кажется, никогда не приходила в голову мысль пригласить кого-нибудь покататься на tandeme, но когда я написал его, то оно показалось мне ужасно сухим, так что я прибавил начало и конец моего собственного сочинения, что, кажется, очень его скрасило.

– Начало и конец показались мне немножко смешными.

– Смешными? Значит, вы заметили разницу в слоге. Как быстро вы все понимаете! Я очень непонятлив на такие вещи. Мне бы следовало быть лесничим, смотрителем за дичью или чем-нибудь в этом роде. Я создан для этого. Но теперь я нашел кое-что.

– Что же такое вы нашли?

– Занятие скотоводством в колониях. В Техасе живет один мой школьный товарищ, и он говорит, что там отлично жить. Я куплю себе пай в его деле. Там все на открытом воздухе – можно стрелять, ездить верхом и заниматься спортом. Что, для вас будет... будет очень неудобно поехать туда вместе со мной, Ида?

Ида чуть не свалилась с сиденья от удивления. Единственные слова, которые она могла придумать в ответ на это, были: «Господи, мне ехать!», и она сказала их.

– Если это только не расстроит ваших планов и не изменит ваших намерений. – Он замедлил ход и выпустил из рук ручку велосипеда, так что эта большая машина катилась как попало, то по одной стороне дороги, то по другой. – Я очень хорошо знаю, что я не умен и все такое, но я сделаю все, что могу, для того, чтобы вы были счастливы. Может быть, со временем вы меня немножко полюбите, как вы думаете?

Ида вскрикнула от страха.

– Я не буду вас любить, если вы ударите меня об стену, – сказала она, когда велосипед заскрипел у тротуара. – Правьте хорошенько.

– Да, я буду править. Но скажите мне, Ида, поедете ли вы со мной?

– О, я не знаю! Это слишком нелепо! Как же мы можем говорить с вами о таких вещах, когда я не могу вас видеть? Вы говорите мне в затылок, и мне нужно повертывать голову, для того чтобы отвечать вам.

– Я знаю. Вот почему я и написал в письме: «Вы будете сидеть впереди». Я думал, что так будет легче объясняться. Но если вы желаете, то я остановлю велосипед, а затем вы можете повернуться лицом ко мне и говорить со мной.

– Господи боже мой! – воскликнула Ида. – Что, если мы будем сидеть лицом к лицу на неподвижном велосипеде посреди дороги и на нас будут смотреть из окон!

– Это будет немножко смешно, не правда ли? Ну, хорошо, так давайте сойдем с велосипеда и покатаем его вперед, а сами пойдем за ним.

– О нет! Лучше остаться так, как мы сидим теперь.

– Или же я понесу велосипед.

Ида расхохоталась.

– Это будет еще нелепее, – сказала она.

– Ну, так мы поедem потихоньку, и я буду смотреть вперед и править. Но, право же, я вас очень люблю, и вы осчастливите меня, если поедете со мной в Техас, и я думаю, что со временем и я вас также сделаю счастливой.

– Но ваша тетушка?

– О, она будет очень рада! Я могу понять, что вашему отцу будет больно расстаться с вами. Я уверен, что будь я на его месте, и мне было бы тоже горько потерять вас. Но ведь в наше время Америка – это уже не так далеко, и это уже не такая глушь. Мы возьмем с собою большой рояль и... и... один экземпляр Броунинга. К нам приедут и Денвер с женой. Мы будем все как одна семья. Это будет весело!

Ида сидела и слушала эти слова, которые он говорил, заикаясь, и эти нескладные фразы, которые он шептал ей, сидя за ее спиной. Но в нескладной речи Чарльза Уэстмакота было нечто более трогательное, чем в словах самого красноречивого адвоката. Он останавливался, с трудом выговаривая слова, сначала собирался с духом, чтобы выговорить их, и он выражал все свои душевные надежды краткими отрывистыми фразами. Если она еще и не любила его, то, по крайней мере, чувствовала к нему сожаление и симпатию, а эти чувства близки к любви. Она также и удивлялась тому, что она, существо такое слабое и хрупкое, могла так потрясти этого сильного человека, что вся его жизнь зависела от ее решения. Ее левая рука лежала на подушке сбоку. Он наклонился вперед и нежно взял ее в свою. Она не сделала попытки отнять ее у него.

– Могу я получить ее, – спросил он, – на всю жизнь?

– О, смотрите, правьте хорошенько, – сказала она, повертываясь к нему с улыбкой, – и нынче больше об этом не говорите. Пожалуйста, не говорите!

– Так когда же я получу от вас ответ?

– О, нынче вечером, завтра... я сама не знаю. Мне нужно спросить у Клары. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

И они стали говорить о другом; но он все держал в своей руке ее левую руку и знал, уже не предлагая ей больше никаких вопросов, что она согласна.

Глава VIII

Огорчения впереди

Большое собрание, которое было устроено миссис Уэстмакот и на котором обсуждался вопрос об эмансипации женщины, прошло с большим успехом. К ней присоединились все молодые девушки и замужние женщины из южных пригородных местностей; место председателя занимал человек с весом – доктор Бальтазар Уокер, и самым видным лицом, оказавшим поддержку делу, был адмирал Гей-Денвер. Какой-то застигнутый темнотою мужчина вошел в залу с темной улицы и крикнул что-то в насмешливом тоне с дальнего конца, но был призван к порядку председателем, удивлен теми негодующими взглядами, которые устремили на него еще не добившиеся эмансипации женщины и, наконец, выведен вон Чарльзом Уэстмакотом. Были приняты энергичные решения, которые было постановлено представить многим стоящим во главе правления государственным людям, и собрание разошлось с твердым убеждением, что дело эмансипации женщины очень подвинулось вперед.

Но среди всех этих женщин, присутствовавших на собрании, была одна, которой оно не принесло ничего, кроме огорчения. Клара видела дружбу и близость ее отца со вдовой, и у нее было тяжело на душе. Эта дружба все росла, и, наконец, дошло до того, что они виделись каждый день. Ожидаемое собрание послужило предлогом для этих постоянных свиданий, но теперь собрание уже прошло, и, несмотря на это, доктор все-таки обращался постоянно за советами к своей соседке. Он все говорил своим обеим дочерям о том, какой у нее сильный характер, какая она энергичная, о том, что они должны поддерживать с ней знакомство и следовать ее примеру, так что, наконец, он почти не говорил ни о чем другом. Все это могло быть объяснено только тем удовольствием, которое испытывает пожилой человек в обществе умной и красивой женщины, если бы притом не было таких обстоятельств, которые придали в глазах Клары особенное значение этой дружбе. Она не могла забыть, что Чарльз Уэстмакот, говоря с ней как-то вечером, намекнул на то, что его тетушка может опять выйти замуж. Он, наверно, что-нибудь знал или заметил, если решился высказать такое мнение. А затем и сама миссис Уэстмакот сказала, что она надеется в скором времени переменить свой образ жизни и принять на себя новые обязанности. Что же могло это означать, как не то, что она надеется выйти замуж? За кого же? Кроме своего маленького кружка, она, кажется, ни с кем больше не видалась. Она, вероятно, намекала на ее отца. Это была ужасная мысль, и все-таки с этим нужно было считаться. Как-то раз вечером доктор очень засиделся у своей соседки. Прежде он всегда заходил к адмиралу после обеда, а теперь он чаще ходил в другую сторону. Когда он вернулся домой, то Клара сидела одна в гостиной и читала какой-то журнал. Когда он вошел, то она вскочила с места, подвинула ему его кресло и побежала за туфлями.

– Ты что-то бледна, моя милая, – заметил он.

– О нет, папа, я совсем здорова!

– Хорошо ли идут дела у Гарольда?

– Да. Его компаньон, мистер Пирсон, еще не приехал, и все дело лежит на нем.

– Это хорошо. Он, наверно, будет иметь большой успех. А где Ида?

– Должно быть, в своей комнате.

– Она недавно была на лужайке с Чарльзом Уэстмакотом. Он, кажется, страстно влюблен в нее. Его нельзя назвать талантливым, но я думаю, что он будет для нее хорошим мужем.

– Я уверена в этом, папа. Он человек благородный, и на него можно вполне положиться.

– Да, я думаю, что он не способен сделать что-нибудь дурное. С первого взгляда видно, какой это человек. А если он не даровит, то это не важно, потому что его тетушка миссис Уэстмакот очень богата; она гораздо богаче, чем можно думать, судя по его образу жизни, и оставляет ему по завещанию большой капитал.

– Я очень рада этому.

– Это между нами. Я – ее душеприказчик, а потому мне известны ее распоряжения. А когда же твоя свадьба, Клара?

– О, еще не скоро, папа! Мы еще не назначали времени.

– Но, право, я не понимаю, к чему откладывать. У него есть средства к жизни, которые с каждым годом увеличиваются. А если вы оба убеждены, что дело окончательно решено, то...

– О папа!

– ...то я, право, не понимаю, к чему откладывать. Да и Ида тоже должна через несколько месяцев выйти замуж. И вот теперь я желаю знать, что я буду делать, когда меня покинут обе мои спутницы.

Он говорил небрежным тоном, но взгляд его был серьезен, и он вопросительно смотрел на свою дочь.

– Дорогой папа, вы не останетесь одиноким. Пройдет несколько лет, прежде чем я выйду за Гарольда, а потом, когда мы повенчаемся, вы будете жить вместе с нами.

– Нет, нет, моя милая. Я уверен, что ты говоришь это от всего сердца, но я пожил на свете и знаю, что такие планы никуда не годятся. В доме не может быть двух хозяек, а мне в мои года, свобода необходима.

– Но ведь вы будете совершенно свободны.

– Нет, моя милая, человек не может быть свободен, если он – только гость в чужом доме. Не можешь ли ты придумать что-нибудь другое?

– Так мы останемся с вами.

– Нет, нет. Сама миссис Уэстмакот говорит, что первая обязанность женщины – это выйти замуж. Впрочем, она указывает на то, что брак должен быть заключен при условии равенства как той, так и другой стороны. Я желаю, чтобы обе вы вышли замуж, но мне желательно бы, чтобы ты, Клара, посоветовала мне, что мне-то делать.

– Да ведь мы не спешим, папа. Подождем. Я покуда еще не хочу выходить замуж.

Доктор Уокер был сбит с толку.

– Ну, хорошо, Клара, – сказал он, – если ты не можешь ничего мне посоветовать, то я думаю, что мне придется самому позаботиться о себе.

– Так что же вы намерены сделать, папа? – Она сама шла навстречу опасности, как человек, который видит, что на него сейчас падет удар.

Он посмотрел на нее и не решился высказаться.

– Как ты похожа на твою покойную мать, Клара! – воскликнул он. – Когда я смотрел на тебя, то мне показалось, что она встала из могилы. – Он наклонился к ней и поцеловал ее. – Ну, моя милая, ступай к сестре и не беспокойся обо мне. Еще ничего не решено, но ты увидишь, что все устроится к лучшему.

С грустью на душе пошла Клара наверх: теперь она была уверена, что скоро случится то, чего она так боялась, – что ее отец сделает предложение миссис Уэстмакот. При ее чистой и глубокой натуре память матери была для нее священной, и когда она думала о том, что другая займет ее место, то это казалось ей поруганием святости. Но этот брак казался ей и еще хуже, если смотреть на него с той точки зрения, какая будущность ожидала ее отца. Вдова могла очаровать его своею опытностью, смелостью, силою характера, непринужденностью в обращении – Клара допускала в ней все эти достоинства – но она была убеждена в том, что миссис Уэстмакот не годится в подруги жизни. Она достигла такого возраста, в котором трудно менять свои привычки, а затем она была совсем не такая женщина, которая захотела бы изменить их. Мог ли выдержать такой впечатлительный человек, каким был ее отец, постоянный гнет жены – женщины с таким твердым характером, в натуре которой не было ничего нежного и мягкого. Когда о ней говорили, что она пьет портер, курит папиросы, а иногда даже и длинную глиняную трубку, бьет хлыстом пьяного слугу, держит у себя в комнатах змею Элизу, которую

она имела обыкновение носить в кармане, то это считали только эксцентричностью. Но все это сделается невыносимым для ее отца, когда пройдет первый пыл увлечения. Следовательно, ради него самого, а также и из уважения к памяти матери, не нужно допускать этого брака. А между тем как могла она не допустить его? Что могла она сделать? Не могут ли помочь ей в этом Гарольд или Ида? Но крайней мере, она скажет об этом сестре, и, может быть, та ей что-нибудь посоветует.

Ида была в своем будуаре, крошечной, оклеенной обоями комнате, такой же чистенькой и изящной, как и она сама; ее низкие стены были увешены овальными украшениями из Имари и хорошенькими маленькими швейцарскими полочками, на которых стояла голубая посуда из Кага или белоснежный кольпортский фарфор. В низком кресле у стоящей на столе лампы с красным абажуром сидела Ида в прозрачном вечернем платье из *mousseline de soie*, и красный свет лампы падал на ее детское лицо и золотистые локоны. Когда в комнату вошла сестра, то она вскочила с места и бросилась к ней на шею.

– Милая Клара! Иди сюда и садись около меня. Уже несколько дней нам не приходилось поговорить с тобой. Но что это значит, что у тебя такое расстроенное лицо? Что случилось? – Она выставила вперед указательный палец и разгладила им лоб сестры.

Клара подвинула стул и села рядом с сестрой, которую обняла за талию.

– Мне не хотелось бы огорчать тебя, милая Ида, – сказала она, – но я не знаю, что мне делать.

– Не случилось ли чего-нибудь с Гарольдом?

– О нет, Ида!

– Или с моим Чарльзом?

– Нет, нет.

Ида вздохнула с облегчением.

– Ты меня страшно перепугала, моя милая, – сказала она. – Ты не можешь себе представить, какой у тебя важный вид. Так в чем же дело?

– Я думаю, что папа хочет сделать предложение миссис Уэстмакот.

Ида расхохоталась:

– Как могла прийти тебе в голову такая мысль, Клара?

– Это верно, Ида. Я подозревала это прежде, а нынче вечером он и сам чуть-чуть не проговорился. Я думаю, что это вовсе не смешно.

– Но, право, я не могла удержаться от смеха. Если бы ты сказала мне, что эти две милые старушки, которые живут напротив нас, мисс Вильямс, помолвлены, то и тогда я бы так не удивилась. Право, это до крайности смешно!

– Смешно, Ида! Подумай о том, что кто-нибудь другой займет место дорогой мамы.

Но Ида была не так сентиментальна, как сестра, и оказалась гораздо практичнее ее.

– Я уверена, что дорогой маме будет приятно, если папа сделает то, что может дать ему счастье. Обе мы уедем отсюда, почему же папе не сделать того, что может доставить ему удовольствие?

– Но подумай о том, что он будет несчастлив. Ты знаешь, как он привык к спокойной жизни и как его тревожат всякие пустяки. Может ли он жить с такой женой, которая на всяком шагу будет преподносить ему сюрпризы? Представь себе, какой хаос будет у него в доме. Человек его лет не может изменить своих привычек. Я уверена, что он будет очень несчастлив.

Лицо Иды приняло более серьезное выражение, и с минуту она была в раздумье.

– Я верю, что ты права в этом, как и всегда, – сказала она наконец. – Я очень уважаю тетюшку Чарли и думаю, что ее деятельность приносит большую пользу и что она – женщина добрая, но я не думаю, чтобы она могла годиться в жены папочке, который привык к спокойной жизни.

– Но он, наверно, сделает ей предложение, и я уверена, что она примет его. Тогда уже будет слишком поздно вмешиваться в это дело. У нас осталось – самое большее – несколько дней. А что мы можем сделать! Можем ли мы надеяться заставить его переменить свое намерение?

Ида опять задумалась.

– Он никогда не пробовал, что значит жить с женщиной, у которой сильная воля, – сказала она. – Если бы только нам удалось дать ему понять это вовремя. О Клара, я придумала, я придумала! Какой чудесный план! – Она откинулась на своем кресле и расхохоталась таким искренним, веселым смехом, что Клара забыла о своем огорчении и сама начала с ней смеяться.

– О, это будет прелестно! – проговорила Ида наконец, задыхаясь от смеха. – Бедный папа! Плохо ему придется! Но все это для его пользы, как он говорил всегда, когда наказывал нас, в то время когда мы были маленькими. О Клара, я надеюсь, что ты будешь тверда!

– Я готова сделать все на свете, моя милочка, для того, чтобы его спасти.

– Это так, и вот эта-то мысль и должна придать тебе мужества.

– Но в чем же состоит твой план?

– О, я горжусь им! Мы сделаем так, что ему опротивеет и вдова, и все эмансипированные женщины. Скажи мне, какие главные идеи проповедует миссис Уэстмакот? Ты слушала ее больше, чем я, – женщины должны как можно меньше заниматься домашним хозяйством. Это одна из ее идей, не правда ли?

– Да, если они чувствуют, что они способны к чему-нибудь высшему. Затем она думает, что всякая женщина, у которой есть досуг, должна изучить какую-нибудь отрасль науки, и, если возможно, всякая женщина должна подготовиться к какому-нибудь занятию или профессии и избирать по преимуществу такие, которые до сих пор составляли монополию мужчин. А занимать другие профессии, это значит увеличивать конкуренцию.

– Так. Великолепно! – В Идиных голубых глазах мелькала лукавая мысль, и они так и бегали. – Что же еще? Она думает: что делает мужчина, должно быть дозволено и женщине, – не правда ли?

– Да, она это говорит.

– А относительно платья? Коротенькая юбка и юбка в виде панталон – этого она требует?

– Да.

– Нам нужно достать себе сукна.

– Зачем?

– Каждая из нас должна сделать себе костюм с иголки, новый костюм эмансипированной женщины, моя милочка. Разве ты не понимаешь, в чем состоит мой план? Мы будем во всем соотносываться с идеями Уэстмакот и, если возможно, даже пересаливать. Тогда папа поймет, что значит жить с женщиной, которая требует себе прав. О Клара, это выйдет у нас великолепно!

Ее кроткая сестра не нашла, что сказать на такой смелый план.

– Но так поступать не следует, Ида! – воскликнула она наконец.

– В этом нет ровно ничего дурного. Это только для того, чтобы его спасти.

– У меня не хватит смелости.

– О да, у тебя хватит! Гарольд нам поможет. Впрочем, у тебя, может быть, есть какой-нибудь другой план?

– У меня нет никакого плана.

– Ну, так ты должна принять мой.

– Конечно. Впрочем, может быть, ты и права. Ведь мы делаем это из хорошего побуждения.

– Так ты будешь поступать по моему плану?

– Я не вижу другого способа.

– Милая моя Кларочка! Теперь я скажу тебе, что ты должна делать. Мы не должны начинать сейчас же. Это может возбудить подозрение.

– Так как же хочешь поступить?

– Завтра мы отправимся к миссис Уэстмакот, будем сидеть у ее ног и усвоим себе все ее взгляды.

– Какими притворщиками мы будем считать себя!

– Мы окажемся самыми ревностными из ее новообращенных. О, это будет такая потеха, Клара! Затем мы составим себе план действия, пошлем купить то, что нам нужно, и начнем жить по-новому.

– Я надеюсь, что нам не придется выдерживать слишком долго. Право, это так жестоко по отношению к бедному папе!

– Жестоко! Это для того, чтобы его спасти!

– Я желала бы быть уверенной в том, что мы поступаем как следует. А между тем что же, кроме этого, мы можем сделать? Ну хорошо, Ида: дело решено, и завтра мы пойдем к миссис Уэстмакот.

Глава IX

Семейный заговор

Бедный доктор Уокер, сидя на следующий день утром за завтраком, и не подозревал, что его милые дочки, сидевшие по обе его стороны, были коварными заговорщицами и что он, который, ничего не зная, кушал пирожки, – жертва, против которой был направлен их хитрый замысел. Они терпеливо ждали времени, когда, наконец, им можно будет заговорить.

– Какой нынче чудный день, – заметил он. – Погода благоприятствует миссис Уэстмакот. Она хотела покататься на велосипеде.

– Значит, нам нужно идти к ней пораньше. Мы обе хотели отправиться к ней после завтрака.

– О, в самом деле!

По лицу доктора было видно, что это ему приятно.

– Знаете ли, папа, – сказала Ида, – нам кажется, для нас очень полезно то, что миссис Уэстмакот живет к нам так близко.

– Почему, моя милая?

– Да потому, что она, знаете ли, передовая женщина. Если мы будем вести такую жизнь, как она, то мы и сами подвинемся вперед.

– Помнится, вы говорили, папа, – заметила Клара, – что она – тип женщины будущего.

– Мне приятно слышать, что вы говорите такие умные речи, мои милые. Разумеется, я думаю, что она – такая женщина, которая может служить вам образцом. Чем больше вы с ней сблизитесь, тем мне будет приятнее.

– Значит, дело решено, – сказала с важностью Клара, затем разговор перешел на другие предметы.

Все утро молодые девушки сидели у миссис Уэстмакот и набирались самых крайних взглядов относительно обязанностей одного пола и тирании другого. Ее идеалом было абсолютное равенство во всем, даже в мелочах. Довольно этих криков попугаев о том, что несвойственно женщине и девушке. Все это было выдуманно мужчиной для того, чтобы напугать женщину, когда она подходила слишком близко к его заповедным владениям. Всякая женщина должна быть независима. Всякая женщина должна избрать какую-нибудь профессию и подготовиться к ней. Это было обязанностью женщин насильно идти туда, куда не желали их допустить. Стало быть, они были мученицами в этом деле и пионерами для их более слабых сестер. Почему должны быть их вечным уделом корыто для стирки белья, иголка и расходная книга? Разве они не могут добиться чего-нибудь высшего – докторской консультации, профессии адвоката и даже церковной кафедры? Миссис Уэстмакот, сев на своего конька, позабыла даже и о прогулке на велосипеде, и ее две прекрасные ученицы подхватывали каждое ее слово и каждый намек с тем, чтобы впоследствии приложить все это к делу. После полудня они отправились за покупками в Лондон, а к вечеру на дачу доктора были доставлены какие-то странные свертки.

План был совсем готов, следовало только привести его в исполнение, и у одной из заговорщиц был веселый и торжествующий вид, тогда как другая была в нервном и тревожном состоянии.

Когда на следующий день утром доктор сошел вниз, в столовую, то он удивился, увидав, что его дочери встали раньше него. Ида сидела у одного конца стола, на котором стояли перед ней спиртовая лампа, какой-то изогнутый стеклянный сосуд и несколько флаконов. В этом сосуде что-то сильно кипело, между тем как всю комнату наполнял какой-то ужасный запах. Клара развалилась на одном кресле, положив ноги на другое, с книгой в синем переплете в руках и огромную карту Великобритании, разложенную на коленях.

– Это что такое? – воскликнул доктор, шурясь и нюхая. – А где же завтрак?

– О, разве ты не заказывал его? – спросила Ида.

– Я! Нет. Почему это я должен заказывать?

Он позвонил.

– Отчего ты не накрыла на стол для завтрака, Джэн?

– Извините, сэр, но мисс Ида занималась на этом столе.

– О да, конечно, Джэн, – сказала молодая девушка совершенно спокойным тоном. – Я очень сожалею, что так вышло. Через несколько минут я кончу и уйду отсюда.

– Но скажи, ради бога, что такое ты делаешь, Ида? – спросил доктор. – Запах самый отвратительный. Ах господи, посмотри только, что ты сделала со скатертью. Ведь ты прожгла на ней дыру.

– О, это кислота, – отвечала Ида самым довольным тоном. – Миссис Уэстмакот говорила, что ею можно прожечь до дыр.

– Ты могла бы поверить ей на слово и не производить опытов, – сказал ее отец сухим тоном.

– Но вот посмотрите, папа! Посмотрите, что говорится в книге: «Человек, занимающийся наукой, не должен ничего принимать на веру. Над всем нужно производить опыты». Вот я и сделала опыт.

– Конечно, ты сделала. Ну, пока завтрак еще не готов, я просмотрю «Таймс». Ты не видала газеты?

– «Таймс»? Ах господи, да ведь она у меня под спиртовой лампой. Я боюсь, не попала ли на нее тоже кислота. Газета что-то отсырела и порвана. Вот она.

Доктор с печальным лицом взял испачканную газету.

– Кажется, нынче все идет вкривь и вкось, – заметил он. – Почему это ты вдруг так полюбила химию, Ида?

– О, я стараюсь сообразовываться с тем, чему учит миссис Уэстмакот.

– Хорошо! Хорошо! – сказал он, хотя уже не таким искренним тоном, как накануне. – Ах, вот, наконец, и завтрак!

Но в это утро ни в чем не было удачи. Яйца были поданы без ложечек, поджаренные ломтики хлеба подгорели, мясо пережарено, а кофе смолот слишком крупно. Кроме того, этот ужасный запах, распространившийся по всей комнате, отравлял всякий кусок.

– Я не хочу мешать вам учиться, Ида, – сказал доктор, отодвигая свое кресло, – но я думаю, что было бы лучше, если бы ты делала твои химические опыты попозже.

– Но миссис Уэстмакот говорит, что женщины должны вставать рано и работать до завтрака.

– Но тогда они должны выбрать не столовую, а какую-нибудь другую комнату. – Доктор начинал сердиться. Он подумал, что если немножко погуляет на чистом воздухе, то это его успокоит. – Где мои сапоги? – спросил он.

Но их не оказалось в углу у его кресла. Он искал их по всей комнате, и ему помогали в этом три служанки, которые нагибались и смотрели везде – и под книжными шкафами и под комодами. Ида опять вернулась к своим занятиям, а Клара к своей книге в синем переплете; они сидели, погруженные в свое дело, не обращая ни малейшего внимания на возню и шум в комнате. Наконец, громкие радостные восклицания возвестили о том, что кухарка отыскала сапоги, которые висели в передней на вешалке вместе со шляпами. Доктор, весь покрасневший и запыхавшийся, надел их и поспешил присоединиться к адмиралу для утренней прогулки.

Когда захлопнулась дверь, то Ида громко расхохоталась.

– Видишь, Клара, – воскликнула она, – наши чары начинают уже действовать. Вместо того чтобы идти в третий номер, он пошел в первый. О, мы одержим большую победу! Ты

очень хорошо играла свою роль, моя милочка; я видела, что ты была как на иголках и тебе хотелось помочь ему, когда он искал свои сапоги.

– Бедный папа! Это так жестоко с нашей стороны! А, впрочем, что же нам делать?

– О, он будет еще больше ценить комфорт, если мы заставим его немножко пострадать от недостатка комфорта! Ах, химия, какое это ужасное занятие! Посмотри на мою юбку! Она вся испорчена. А этот отвратительный запах! – Она растворила окно и высунула из него свою маленькую головку с золотистыми локонами.

Чарльз Уэстмакот копал землю по другую сторону садовой решетки.

– Здравствуйте, сэр, – сказала Ида.

– Здравствуйте! – Этот рослый человек оперся о свою мотыгу и посмотрел вверх на нее.

– Есть у вас папиросы, Чарльз?

– Конечно, есть.

– Бросьте мне в окно штуки две.

– Вот мой портсигар. Ловите!

Портсигар из моржовой кожи упал с глухим ударом на пол. Ида открыла его. Он был битком набит папиросами.

– Это какие папиросы? – спросила она.

– Египетские.

– А какие есть еще сорта?

– О, «Ричмондские жемчужины», затем турецкие, кембриджские. Но зачем вам это нужно?

– Вам до этого нет дела! – Она кивнула ему и затворила окно. – Мы должны запомнить все эти сорта, Клара, – сказала она. – Мы должны учиться говорить о таких вещах. Миссис Уэстмакот знает все сорта папирос. Ты получила твой ром?

– Да, милочка, вот он.

– А вот и мой портер. Пойдем теперь наверх ко мне в комнату. Этот запах невыносим. Но мы должны его встретить, когда он вернется. Если мы будем сидеть у окна, то увидим, как он пойдет по дороге.

Свежий утренний воздух и приятное общество адмирала заставили доктора позабыть о неприятностях, и он вернулся домой около полудня в отличном настроении. Когда он отворил дверь передней, то на него еще сильнее, чем прежде, пахнуло отвратительным запахом химических составов, – запахом, который испортил ему завтрак. Он растворил окно в передней, вошел в столовую и остановился, пораженный тем зрелищем, которое представилось его глазам.

Ида все еще сидела за столом перед своими флаконами; в левой руке она держала закуренную папиросу, а на столе стоял около нее стакан портера. Клара с другой папиросой развалилась в большом кресле, а кругом нее на полу было разложено несколько географических карт. Она положила ноги на корзинку для угольев, и у самого ее локтя стоял на маленьком столике стакан, наполненный до краев какою-то темно-красною жидкостью. Доктор смотрел попеременно то на ту, то на другую из своих дочерей сквозь облако серого дыма, но, наконец, его глаза с изумлением остановились на старшей дочери, отличавшейся более серьезным направлением.

– Клара! – выговорил он, едва переводя дух. – Я не поверил бы этому!

– В чем дело, папа?

– Ты куришь?

– Я только пробую, папа. Я нахожу, что это немножко трудно, потому что я еще не привыкла.

– Но скажи, пожалуйста, зачем ты...

– Миссис Уэстмакот советует курить.

– О, дама зрелых лет может делать много такого, чего молодая девушка должна избегать!
– О нет! – воскликнула Ида. – Миссис Уэстмакот говорит, что для всех должен быть один закон. Вы выкурите папироску, папа?

– Нет, благодарю. Я никогда не курю утром.

– Не курите? Но, может быть, это папиросы не того сорта, какой вы курите. Какие это папиросы, Клара?

– Египетские.

– Ах, вам надо купить «Ричмондские жемчужины» или турецкие папиросы. Мне хочется, чтобы вы, папа, купили мне турецких папирос, когда поедете в город.

– И не подумаю. Я полагаю, что это совершенно не годится для молодых девушек. В этом я совсем не схожусь с миссис Уэстмакот.

– В самом деле, папа? Да ведь вы же советовали нам во всем подражать ей.

– Но с ограничениями. Что это такое ты пьешь, Клара?

– Ром, папа.

– Ром? Утром? – Он сел и протер себе глаза, как человек, который старается стряхнуть с себя какой-нибудь дурной сон. – Ты сказала – ром?

– Да, папа. Люди той профессии, которую я хочу избрать, пьют все поголовно.

– Профессии, Клара?

– Миссис Уэстмакот говорит, что всякая женщина должна избрать себе профессию и что мы должны выбрать себе такие профессии, которых всегда избегали женщины.

– Да, это верно.

– Ну, так я хочу поступить по ее совету и буду лоцманом.

– Милая моя Клара! Лоцманом! Это уже слишком!

– Вот прекрасная книга, папа: «Маяки, сигнальные огни, бакены, каналы и береговые сигналы для моряков в Великобритании». А вот другая: «Руководство для моряка». Вы не можете себе представить, как это интересно!

– Ты шутишь, Клара. Ты, наверно, шутишь!

– Совсем нет, папа. Вы не можете себе представить, как много я уже узнала. Я должна выставить зеленый фонарь на штирборте, красный на левом борту, белый на топ мачте и через каждые четверть часа пускать ракету.

– Ах, это должно быть красиво ночью! – воскликнула ее сестра.

– А затем я знаю сигналы во время тумана. Один сигнал значит, что корабль идет штир-бортом, два – левым бортом, три – кормою, четыре – что плыть невозможно. Но в конце каждой главы автор задает ужасные вопросы. Вот послушайте: «Вы видите красный свет. Корабль на левом галсе и ветер с севера, какой курс должен взять этот корабль?»

Доктор встал с места и сделал жест, выражавший отчаяние.

– Я решительно не могу понять, что случилось с вами обоими, – сказал он.

– Дорогой папа, мы стараемся подражать в нашей жизни миссис Уэстмакот.

– Ну, я должен сказать, что результаты мне не нравятся. Может быть, твоя химия не причинит тебе вреда, Ида, но твой план, Клара, никуда не годится. Я не могу понять, как подобная мысль могла прийти в голову такой рассудительной девушке, как ты. Я решительно должен запретить вам продолжать ваши занятия.

– Но, папа, – сказала Ида, в больших голубых глазах которой был виден наивный вопрос, – что же нам делать, если ваши приказания расходятся с советами миссис Уэстмакот? Вы же сами говорили, чтобы мы слушались ее. Она говорит, что когда женщины делают попытки сбросить с себя оковы, то их отцы, братья и мужья первые стараются опять заклепать на них эти оковы и что в этом случае мужчина не имеет никакой власти.

– Разве миссис Уэстмакот учит вас тому, что я не глава в собственном доме?

Доктор вспылил, и от гнева его седые волосы на голове поднялись, точно щетина.

– Конечно. Она говорит, что глава дома – это остаток темных веков.

Доктор что-то пробормотал про себя и топнул ногою по ковру. Затем он, не говоря ни слова, вышел в сад, и его дочери могли видеть, как он в сердцах ходил взад и вперед, сбивая цветы хлыстиком.

– О, милочка! Как великолепно ты играла свою роль! – воскликнула Ида.

– Но это жестоко! Когда я увидела в его глазах огорчение и удивление, то я едва удержалась, чтобы не броситься ему на шею и не рассказать обо всем. Как ты думаешь, не пора ли нам кончить?

– Нет, нет, нет! Этого далеко недостаточно. Ты не должна выказывать теперь свою слабость, Клара. Это так страшно, что я руковожу тобой. Я испытываю незнакомое мне чувство. Но я знаю, что я права. Если мы будем продолжать так, как начали, то мы можем говорить себе всю жизнь, что мы спасли его. А если мы перестанем, – о Клара! – то мы никогда не простим себе этого!

Глава X

Женщины будущего

С этого дня доктор утратил свое спокойствие. Еще никогда ни один дом, где было всегда тихо и соблюдался во всем порядок, не превращался так быстро в шумное место или счастливый человек вдруг делался несчастливым, как было в этом случае. До сих пор он совсем не понимал, что его дочери предохраняли его от всех маленьких неприятностей в жизни. Теперь же, когда они не только перестали заботиться о нем, но сами делали ему всевозможные неприятности, он начал понимать, как велико было то счастье, которым он наслаждался, и он сожалел о тех счастливых днях, когда его дочери не подпали еще под влияние его соседки.

– Вы что-то невеселы, – заметила ему однажды утром миссис Уэстмакот. – Вы бледны, и у вас измученный вид. Вам бы следовало сделать вместе со мной прогулку в десять миль на тандеме.

– Я беспокоюсь о моих девочках.

Они ходили взад и вперед по саду. Время от времени из дома, находящегося за садом, раздавался протяжный меланхолический звук охотничьего рога.

– Это Ида, – сказал он. – Она вздумала учиться играть на этом ужасном инструменте в промежутках между занятиями химией. И Клара тоже совсем отбилась от рук. Я вам скажу, что это становится невыносимым.

– Ах, доктор, доктор! – воскликнула она, грозя ему пальцем и показывая при этом свои ослепительно белые зубы. – Вы должны проводить свои принципы в жизнь; вы должны давать вашим дочерям такую свободу, какой вы требуете для других женщин.

– Свободу, сударыня, конечно. Но тут дело доходит до своеволия.

– Закон один для всех, мой друг. – И она с упреком похлопала его по плечу своим веером. – Я думаю, что когда вам было двадцать лет, ваш отец не запрещал вам изучать химию или учиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Если бы он так поступил, то вы сочли бы это тиранством.

– Но обе они вдруг совершенно переменились.

– Да, я заметила, что они в последнее время горячо стоят за дело свободы. Я думаю, что из всех моих учениц они выйдут самыми ревностными и самыми последовательными, что вполне естественно, так как их отец один из самых горячих поборников нашего дела.

У доктора передернуло лицо от досады.

– Мне кажется, что я потерял всякий авторитет! – воскликнул он.

– Нет, нет, дорогой мой друг! Они немножко вышли из границы, порвав те путы, которыми связал их обычай. Вот и все.

– Вы не можете себе представить, что я должен выносить, сударыня. Это ужасное испытание! Вчера ночью, когда я погасил свечу в своей спальне, я наступил ногою на что-то гладкое и жесткое, что сейчас же выкатилось у меня из-под ноги. Представьте же мой ужас! Я зажег газ и увидел большую черепаху, которую Клара вздумала взять в дом. По-моему, иметь таких домашних животных – скверная привычка.

Миссис Уэстмакот сделала ему реверанс.

– Благодарю вас, сэр, – сказала она. – Это камешек в мой огород: вы намекаете на мою бедную Элизу.

– Даю вам честное слово, что я совсем и позабыл о ней! – воскликнул доктор, покраснев. – Конечно, еще можно допустить одно такое домашнее животное, но иметь их два, – это прямо невыносимо! У Иды есть обезьяна, которая сидит на карнизе драпировки. Она будет сидеть неподвижно до тех пор, пока не заметит, что вы совершенно забыли о ее присутствии, и тогда она вдруг начинает прыгать по всем стенам с картины на картину и кончает тем, что повисает

на шнурке от звонка или кидается вам на голову. За завтраком она утащила сваренное всмятку яйцо и обмазала им всю дверную ручку. Ида называет эти безобразия потешными штуками.

– О, все это устроится! – сказала вдова успокоительным тоном.

– Да и Клара тоже ведет себя не лучше – Клара, которая была прежде такой доброй, такой кроткой, так напоминала всем свою покойную мать. Она забрала себе в голову нелепую мысль, что будет лощманом, и теперь говорит только об одном – о вращающихся маяках, подводных камнях, установленных сигналах и о разных глупостях в этом роде.

– Но почему же нелепую? – спросила его собеседница. – Что может быть благороднее этой профессии, при которой человек двигает вперед торговлю и помогает кораблю благополучно достигнуть гавани? Я думаю, что у вашей дочери большие способности к этому и что она прекрасно будет исполнять свои обязанности.

– Когда так, то я расхожусь в этом с вами, сударыня.

– Значит, вы непоследовательны.

– Извините меня, сударыня, но я смотрю на это совсем с другой точки зрения. И я был бы вам очень благодарен, если бы вы, пользуясь своим влиянием, разубедили моих дочерей.

– Вы хотите, чтобы и я также была непоследовательной?

– Стало быть, вы отказываетесь?

– Я думаю, что не могу вмешиваться в их дела.

Доктор рассердился не на шутку.

– Очень хорошо, сударыня, – сказал он. – В таком случае, я могу только проститься с вами.

Он приподнял свою соломенную шляпу с широкими полями и пошел большими шагами по убранной щебнем дорожке, между тем как вдова, прищурив глаза, смотрела ему вслед. Она была сама удивлена тем, что чем больше доктор был похож на мужчину и чем больше он выказывал настойчивости, тем больше он ей нравился. Это было безрассудно с ее стороны и противоречило всем ее принципам, но так было на самом деле и этого нельзя было изменить никакими доводами.

Доктор, запыхавшийся и сердитый, вошел в комнату и сел читать газету. Ида ушла отсюда, и отдаленные звуки ее охотничьего рога показывали, что она была наверху, в своем будуаре. Клара сидела напротив него со своими картами и синей книгой, которые доводили его до отчаяния. Доктор взглянул на нее, и его глаза остановились с изумлением на передней части ее юбки.

– Милая моя Клара! – воскликнул он. – Ты разорвала свою юбку.

Его дочь засмеялась и поправила свою юбку. Он увидел, к своему ужасу, красный плюш кресла на том месте, где должно было быть ее платье.

– Да она вся разорвана! – воскликнул он. – Что такое ты делала?

– Дорогой папа! – сказала она. – Разве вы можете понять что-нибудь в тайнах дамского туалета. Это – юбка-пantalоны.

Тогда он увидел, что она была действительно сшита таким фасоном и что на его дочери было надето что-то вроде широких и очень длинных pantалон.

– Это будет очень удобно для моих морских сапог, – пояснила она.

Ее отец грустно покачал головой.

– Это не понравилось бы твоей дорогой маме, Клара, – сказал он.

Это была такая минута, в которую заговор мог быть открыт. В его кротком упреке и упоминании о матери было что-то такое, что у нее навернулись на глазах слезы, и через минуту она, наверное, бросилась бы перед ним на колени и во всем ему призналась, но вдруг дверь растворилась настежь и в комнату вбежала вприпрыжку Ида. На ней была надета серая юбка, такая же короткая, как та, которую носила миссис Уэстмакот; она приподняла ее с обеих сторон руками и начала танцевать вокруг мебели.

– Я точно танцовщица из «Gaiety»! – воскликнула она. – Быть на сцене, да это, должно быть, такая прелесть! Вы не можете себе представить, как удобно такое платье, папа. В нем чувствуешь себя так свободно! А не правда ли, что Клара прелестна?

– Ступай сейчас же в свою комнату и сними его! – закричал громовым голосом доктор. – Я называю это в высшей степени неприличным, и ни одна из моих дочерей не должна носить таких платьев.

– Что вы говорите, папа? Это неприлично? Да ведь я сняла этот фасон с миссис Уэстмакот.

– Я повторяю, что это неприлично. Да и твое платье, Клара, тоже неприлично! Вы ведете себя самым непозволительным образом. Вы хотите выгнать меня из дому. Я поеду в город, в клуб. У меня в моем собственном доме нет ни комфорта, ни душевного спокойствия. Я не могу более выносить этого. Может быть, я нынче вечером вернусь домой поздно – я должен быть на заседании медицинского общества. Но когда я вернусь, я надеюсь, что вы одумаетесь и поймете, как неприлично ваше поведение, и стряхнете с себя то вредное влияние, благодаря которому так изменилось ваше поведение за последнее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.